ГК545
В685

ВКП. Владикавказск. окр. к-т.
Истпарт.

Октябрь во Владикавказе.

Владикавказ. 1927.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГК545
В725

1917 г.

Октябрь

На Кавказе

ИСТПАРТ ВЛАДОКРКОМА ВКП (б)
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Е. ПОЛЯКОВОЙ, Б. ГОФМАН, М. ШАУСЕН.

THE
ARGUS

ВЛАДИКАВКАЗ
В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

2 экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

П 1886

ГК545
В685 р

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. К. П. (б.)
1520
27

25232
25232

35528

НОЙ БУАЧИДЗЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Борьба за власть Советов на Северном Кавказе протекала в исключительно трудных условиях. Это об'ясняется, кроме классовых, также сословными и национальными противоречиями. Последние имели место особенно в Терской области, в которой живет большинство горских народов. Пламя гражданской войны развилось еще задолго до Октября. Горско-казачья война не могла быть прекращена без победы Советской власти. А между тем, как и в других казачьих областях, контр-революция здесь свила себе прочное гнездо. С другой стороны, силы революции медленно росли, пытаясь взять под свое руководство крестьянско-национальное движение.

Малочисленность пролетариата в Терской области и слабость большевистских партийных организаций не дали возможности быстро победить Карауловско-Чермоевскую контр-революцию. Октябрь здесь наступает позже на 5-6 месяцев, чем в Центр. России. И в течении этих месяцев обе стороны, и революция и контр-революция, накапливали силы.

Местом всей подготовительной работы был Владикавказ—тогдашний центр Терской области.

Вот почему данный сборник, состоящий из отдельных очерков активных участников борьбы за революцию во Владикавказе, может послужить материалом для изучения тогдашней обстановки в Терской области.

Не имея достаточного количества архивных материалов для истории Октября на Тереке, Истпарт полагает, что и предлагаемые очерки принесут свою пользу тем, кто интересуется происшедшими тут событиями в 17-18 г. г.

Для освещения работы при белых достаточных данных еще нет. Будем надеяться, что этот первый коллективный труд подскажет другим активным участникам необходимость их участия в деле восстановления точной картины всей борьбы на Тереке.

Истпарт Владокркома ВКП (б).

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ.

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И КРУЖКИ.

Владикавказ исстари считался полумещанским городом. Это—центр административного управления б. Терской области. Бюрократическо-чиновнический мир города, выходя в отставку, обзаводился тут хозяйством и жил тупой мещанской жизнью, получая пенсию на содержание каждое 20 число. Ограниченное количество индустриальных рабочих не давало возможности проводить работу организациям, которые состояли из двух партий: социал-демократов и социал-революционеров.

В 1904 и 1905 г. впервые в городе начали организовываться социал-демократические кружки, среди более развитой части строительных рабочих, которые по своему количеству были преобладающими во Владикавказе, в связи с крупными постройками казенных зданий и прокладкой железной дороги в Закавказьи.

Из старых т.т. остались теперь в живых т.т. Колосов, Карамаш, Пронькин, Белохвостов, Андрей Савкин, Амиранов и еще некоторые товарищи, которые сейчас вне партии. Организаторами кружков были в большей части студенты, из коих особенно выделялись т.т. Попов, Блюме, Севастий Рамишвили и долгое время председатель Терско-Дагестанского К-та Александр Щербинин (Платон), исключенный из семинарии и в то время занимавшийся преподавательской деятельностью, Егиков, Цаликов Ахмет, Баев Чермен, Такоев Симон и др.

Впервые я вошел в организацию в конце 1905 г., после знаменитого Октябрьского побоища, когда вожаки реакции („Союз Русского Народа") натравливали бессознательных рабочих на учащуюся молодежь, демонстрировавшую по поводу об'явления царского манифеста.

Эта провокационная выходка реакционеров сразу открыла многим рабочим глаза. Организационная работа по насаждению кружков среди рабочих на окраинах и 2 кружков в центре—среди ремесленников приняла массовый характер. Был организован кружок, куда входили в большинстве приказчики и кустари. В этом кружке начал работать т. Левитин Семен, приказчик магазина Розина, где долгое время была явочная квартира для приезжающих (угол б. Мещанской и Базарной) и портной Иван Васильевич. Это был, как говорили в шутку, „интеллигентный" кружок.

Кружок Владимирской слободки составляли т.т., о которых я упомянул, из них выделялся плотник Павел Хлопков, в квартире которого была временно типография, квартира для приезжающих товарищей и место для заседаний Комитета. Впоследствии, однако, Хлопков, после

двух раз сидения в тюрьме, сделался профессиональным шпионом и после двух случаев, когда его хотели прибить, он выехал в Екатеринодар.

Организаторами кружка Курской слободки были т.т. Пронькин Павел, погибший в 21 г. в ст. Николаевской и Михаил Стародубцев. Стародубцев после экспроприации типографии Казарова пошел в ссылку в Олонецкую губ., потом затравленный жандармерией психически заболел. После этого он еще несколько раз попадал в тюрьму, но все же вел подпольную работу. В 1917 г. психическое расстройство дало себя знать и он умер в 1918 г.

На Курской слободке местом всех заседаний кружка, а также городских собраний организаторов—была народная читальня по Вознесенской ул. в доме № 82, здесь же у нас в 1906 г. происходила однодневная конференция, после разгона Государственной Думы. О конференции пронюхала власть через провокаторов. Случайно о конференции узнали и некоторые товарищи из строителей. Товарищи Галкин (по прозвищу Хамуса), Пронькин и Савкин хотели навеселе проникнуть в соседнюю от библиотеки комнату, но их не пустил студент, зав. библиотекой, те подняли крик. Мне пришлось выйти на улицу их успокоить, где я и заметил городового и одну темную личность, вышмыгнувшую из комнаты. Я сейчас же предупредил конференцию и мы через соседний двор вышли на другую улицу. Здание библиотеки оцепили казаки и жандармы, произвели тщательный обыск, но никого не нашли. На этой конференции были представители всех кружков. Из организаторов были т.т. Егиков, Мазай, Щербинин и большевик т. Роман из Грозного.

Верхне-Осетинский кружок состоял в большей части из учащихся гимназии и реального училища. Из молодежи выделялись: т.т. Дзедзиев, учительница грузинка, которая потом, за распространение литературы среди молокан и подпольную типографию—пошла на поселение. Типография помещалась в первый раз в домике при грузинской школе, после была перенесена на Осетинскую ул. Местом сходок было по большей части осетинское кладбище и Сапицкая будка.

Шалдонский кружок был один из самых крупных, насчитывающий до 120 человек.

Имелась библиотека и свой гектограф, заседания проходили в саду и пустующем доме Кролика по Кирпичной ул. № 10, в моей и квартирах др. товарищей. В этих домах все жильцы были рабочие, которых не надо было опасаться, а только нашей грозой был некто Гончаров—сапожник, член „Союза Русского Народа“ и быв. охранник, но после одного случая на ул. Троцкого (бывш. Евдокимовской), когда весьма внушительно пригрозили ему, что при первом случае он будет убит, он бросил доносы, но все же один раз призвал охранку для обыска у своих сыновей, из коих один Иван—студент, был в нашей организации.

Работу в Шалдонском кружке вел т. Блюме—студент, теперь работает в газете „Власть Труда“, Александр Щербинин (Платон), и

Васо Элердов (ныне работает в Центральной грузинской кооперации). Тов. Щербинин сейчас заведует отделением Госбанка в Грозном.

Городской кружок (подпольный) собирался по ул. Мариинской № 16 (дом Гросман). В кружке участвовали: т.т. Ной Буачидзе—большевик, Элердов—меньшевик, Кикнадзе—большевик, Иобидзе—большевик, Александр Чхубиани—меньшевик, Гоглоев—меньшевик, делегат II с'езда в Женеве, Мамулов—с.-р. Квартира принадлежала т. Иобидзе, в ней находилась подпольная типография.

Крупное участие в конспиративной работе проводил т. Такоев (теперь член Президиума Госплана РСФСР). В его квартире по Лорис-Меликовской ул. проходили собрания кружков, получались юридические справки, помощь и все дела по защите политических поручались нашему „Симону", который уже через свои связи распределял работу среди юридического мира. Здесь нельзя не вспомнить светлую личность его покойной супруги Нины Такоевой (умерла от тифа в 1919 году), незаменимого товарища и друга наших жен в тяжелые моменты арестов и хозяйку при проведении в их квартире всевозможных деловых заседаний и конспирации наших товарищей.

Из женщин в движении участвовала Варвара Орлова, ныне работающая в Окрисполкоме, и которую регулярно жандармское управление трепало при аресте товарищей, а также невеста т. Платона Оля. Это был наш „продовольственный комиссар" по части снабжения тюрьмы и лучший конспиратор при передаче туда записок в белье и пирожках.

Первые товарищи, начавшие работу по организации масс из интеллигенции, были соц.-демократы: Ахмет Цаликов (ныне находящийся в Турции), Гатуев, Баев Чермен, Щербинин, Рамишвили, Дамбо, тов. Порфирий—железнодорожник; уже позже работали Блюме, Егиков, Попов, Роман, дядя Мазай и много др. Параллельно с перечисленными т.т. вели работу и эсеры, из коих выделялись Попов, „Шустрый" (Карлицкий) и другие. Энергичным рядовым работником был т. Дзибо Тотров. Работа их, главным образом, протекала в частях гарнизона. В первом батальоне Апшеронского полка работали Дзибо Тотров и Попов, с которыми в двух ротах работали и мы, поддерживая дружеские взаимоотношения с ними. Массовая работа начала проводиться в нашем К-те после расстрела питерских рабочих в январе 1906 г. Начало было положено после издания манифеста 17 октября 1905 г. демонстрацией, сорганизованной местной интеллигенцией.

Группа учащейся молодежи с красными флагами демонстрировала 19 октября по Пролетарскому проспекту. Накануне подрядчики, (большинство из них были членами „Союза Русского Народа"), Конкин—звероподобный детина, Звонарев Леон и Иван Максимов—кузнец, стали собирать рабочих, подпаивать и настраивать их против интеллигенции. Здесь же одну группу подослали к гор. голове Фролову —либералу, за якобы активное участие его по проведению демонстрации. Пьяные рабочие отправились к нему на дом, но не застав его, на этом и успокоились.

Утром 19-го октября подрядчики, зная о предполагаемой демонстрации, на центральных улицах города стали останавливать рабочих и собирать их возле Ремесленной Управы, при чем нежелающих подчиняться их требованиям тащили насильно. К 11—12 часам демонстрация тронулась со стороны Пушкинского сквера. Со стороны вокзала „Союз Русского Народа" повел за собой ремесленников и часть споенных рабочих навстречу демонстрантам. Обе стороны столкнулись вначале Пролетарского пр. Учащиеся, предчувствуя беду, выделили группу молодежи, вооруженную револьверами. Союзники с криками начали бросать в них камни. В ответ последовали револьверные выстрелы. На помощь черносотенцам из гауптвахты выбежал караул и дал два залпа по направлению Пролетарского проспекта, в результате чего был убит наповал, выбегавший закрывать магазин Киракозова и Оганова, приказчик и смертельно ранен ученик т. Дзуцев.

Помощь караула союзникам навела панику на учащуюся молодежь, которая начала разбегаться куда попало. Тогда бессознательная часть рабочих, науськиваемая черносотенными вожаками—Конкиным и др., с помощью примкнувших хулиганов, начала ловить интеллигенцию и здесь же избивать ее, дробя черепа и перебивая суставы палками и даже топорами. В результате со стороны черносотенцев был убит маляр, один каменщик и от демонстрантов 10—12 человек ранено, при чем зевак пострадало не менее двух десятков. Из демонстрантов был убит т. Тер-Погосов, зав. библиотекой Осетинской слободки т. Дзуцев и до 10 человек искалечено.

Расправившись с „внутренними врагами", толпа с иконами тронулась к Осетинской слободке, начав громить по пути дома.

Желание пограбить торговую часть города и отыграться на грузинской и осетинской части города, в то время революционно-настроенной, двинуло толпу на Краснорядскую улицу. Основательному разгрому подвергли дом Татузова на Краснорядской и Нестеровской ул., где растащили все вещи; осталась нетронутой только квартира полицмейстера полк. Котляревского, который сам принимал участие в погромах.

Наказный атаман генерал Кулебякин, видя, что сознательная группа слишком слаба, что рабочие захвачены пропагандой в слабой степени, решил не раздувать погрома и в следующее воскресенье назначил патриотическую манифестацию на б. Ярмарочной площади. Здесь собралось до 20.000 народа, где изливались любвеобильные речи „за царя и отечество".

Нужно было видеть процессию, которая двигалась на площадь, чтобы понять, как выступление 19 октября терроризовало население. Впереди с хоругвями шло духовенство, „Союз Русского Народа", толпы мещанской публики и еврейская община с раввинами во главе. Хором все пели „Боже, царя храни". Муллы со своей паствой и робкая интеллигенция, вкрапленная в толпу и наблюдающая из окон, ожидали после митинга повторения погрома. Но все закончилось благополучно. Правительство торжествовало победу и не принимало никаких мер против возможности организации партией масс. Так, напри-

мер, совершенно спокойно прошли похороны т. Дзуцева, состоявшиеся на третий день после манифестации. Похоронная процессия, выйдя из дома по Вокзальному проспекту, пела до бульвара революционные песни. Полицейские чины, не зная, в чем дело, выстроились впереди и с боков, сопровождая процессию и наводя порядок до самого кладбища. Впоследствии им, конечно, за ретивость попало от начальника области генерала Кулебякина.

Учитывая то обстоятельство, что на слободках более всего ютилась рабочая масса, легко попадавшаяся на удочку черносотенных громил, наша организация принялась за насаждение кружков. Через месяц мы уже имели крупные массовки в лесу на 3-й балке в западной части Сапицкой будки и в балке Сапицкой будки. Первым же местом массовки 1-го мая была балочка в районе Лысой горы. Здесь происходили выступления соц.-дем. и с.-р., где проводилась общая агитация борьбы с царизмом, не касаясь партийных разногласий.

Организовавшийся комитет РСДРП возглавлял в то время энергичный Ахмет Цаликов (студент), Чермен Баев (тогда реалист), Гатуев и Попов. Начала издаваться партийная газета „Искра", вышедшая только в двух номерах. В последнем номере описывалось знаменитое нападение пулеметной команды на поезд, с целью захватить делегатов железнодорожной забастовки—в январе 1906 года. Но команда ошибочно попала в вагон с гусями, которые при виде вооруженных подняли крик „го-го-го-го"...

Это описание имело источником следующий факт. Группа железнодорожников была делегирована минераловодским комитетом для изъятия денег из станционных касс и разоружения жандармерии, под руководством помощника машиниста тов. Саухалова и Радченко.

Приехав на станцию Владикавказ, группа обезоружила жандармов и забрала выручку денег из кассы. Через два дня было получено сообщение, что делегация со станции Минеральные Воды должна прибыть во Владикавказ. Здесь, ввиду ненадежности воинских частей, была использована учебная команда, попавшая в эту смешную историю.

На станции начала собираться толпа, появились наши товарищи, прибывшие члены вновь избранного Комитета „Союза 17-го октября", купец Пронин и один банковский работник с жандармским ротмистром Черновым. Последние приступили к распространению своей программы и литературы. Железнодорожник Попов, поднятый на плечи, начал агитировать в толпе и, указывая на ротмистра Чернова, говорил: „Вы видите, кто роздает программу и агитирует вас, разве можно что-нибудь для пользы рабочего класса получить от жандармского ротмистра". В ответ на это жандармский ротмистр заявил, что иногда можно. Ввиду угрожающего поведения толпы, новоявленные союзники исчезли...

Работа среди воинских частей происходила в лагере Апшеронского полка и артполигона. В лагере Апшеронского полка работали с.-р. через т. Попова и Шустрова, расстрелянного впоследствии в Назрани, и сапожника Дзибо Тотрова, впоследствии участника в убий-

стве командира Апшеронского полка. Убийство произошло на кладках против бывшей бани Басиева. В Апшеронском полку работали и мы, пользуясь для этой цели учащейся молодежью и строителями Затеречной части Хлопковым, Колосовым и типографами. В доме Колосова, по Михайловской улице, помещалась временно типография Терско-Дагестанского К-та и библиотека. На полигоне почва была особенно подготовлена среди батарей, пришедших из Закавказья, при чем в 17-м тяжелом дивизионе мы имели крупный успех. По соглашению с с.-р. должно было состояться вооруженное восстание на полигоне в 12 час. ночи. Первыми должны были выступить 2 батареи 7-го дивизиона. Это восстание не удалось, т. к. командный состав обработал один батальон Апшеронского полка, подпоил его и двинул как бы на об'единение для общего выступления и, воспользовавшись оплошностью батареи, обезоружил ее, сняв замки с орудий. Многие артиллеристы были обезоружены. После этого части были переброшены в Карс и другие гарнизоны, при чем 13 чел. было предано суду и уже при нашем аресте их осудили на разные сроки.

В декабре 1905 г. было решено поднять вооруженное восстание при участии местного гарнизона, на что особенно напирала военная секция. После митинга, происходившего на Сапицкой будке, демонстрация тронулась с соответствующими плакатами к апшеронским казармам. Но как только демонстрирующие вступили во двор казарм, одна из рот, во главе с офицерами, имевшими наперевес ружья, кинулась в толпу, разгоняя ее прикладами. Часть демонстрантов разбежалась по улицам, а часть в 40 человек была прижата во дворе казарм. Руководителей демонстрации Томашевского, Баева, Цаликова и др. под усиленным конвоем отправили в полицейское управление, туда же хлынула и толпа.

Несмотря на присутствие трех сотен казаков, одной из которых командовал отец Томашевского, толпа выделила делегацию, категорически потребовавшую освобождения товарищей, обещав разойтись. Полицмейстер Котляревский по телефону запросил начальника области Кулебякина, заявив, что толпа настроена враждебно. Кулебякин сделал распоряжение об освобождении товарищей.

Здесь на площади был устроен митинг, на котором выступали освобожденные товарищи. После митинга толпа перебралась на бульвар и стала устраивать овацию казакам, которые проходили по улицам.

23-24 декабря был издан приказ Терского Областного правления за подписью Кулебякина о введении осадного положения в области и по жел. дороге, где происходила забастовка, центром которой был Пятигорск—Минеральные Воды. В это время особенно проявил себя революционный Ахульгинский батальон, сдержавший казачьи банды от разгрома города и Мин. Вод.

В ГОДЫ РЕАКЦИИ.

С 1906 г. работа протекает не ослабевая в подполье. Происходят выступления при всяком удобном случае. К-т приобретает новую

типографию, устроив ее по ул. Льва Толстого. Заведывал типографией т. Василий Зайцев с женой и типограф Неумоев. Все они с тов. Левитиным были арестованы и пошли на поселение. Из них в настоящее время т. Левитин работает в Чеченской КК ВКП(б), Василий Зайцев работает в Мелитополе.

В 1906 году впервые пролетариат и сочувствующие горожане справляли организованно 1 мая в районе 2-ой балки в лесу. На маевке шныряли переодетые шпики и жандармы. Все они были опознаны: 2-х переодетых полицейских и одного жандарма мы арестовали и только после митинга отпустили. Вскоре после этого был арестован Стародубцев и Хлопков, которых один из городовых узнал из группы арестовавших его и сообщил об этом. В результате Стародубцева выслали в Олонецкую губ. на административную высылку на три года.

До разгона Государственной Думы и Выборгского воззвания, организация решила выпустить обращение к крестьянству. Типография наша провалилась и на заседании решено было экспроприировать типографию Казарова. С этой целью была выделена группа 15—16 чел., предварительно уговорившаяся с типографами, из коих некоторые т. т. работают сейчас в типографии УМХ. В 11—12 час. 1-я группа, состоящая из товарищей Васо, Столяра и еще двух товарищей зашла в типографию, спустив шторы в конторе. Казарову и двум посетителям было предложено остаться до конца работы и не выходить из типографии. Одна барынька особенно протестовала и грозила жалобой губернатору. Работа заранее была распределена и рабочая часть, зная, в чем дело, немедленно приступила к печатанию на 2-х машинах воззваний. Другие же по мере накопления прокламаций собирали их в узлы или просто за пазуху и уходили, унося домой. Все приходящие в типографию арестовывались в конторе, в числе которых оказался и казачий офицер. После нашего ухода прибыли власти, казаки, масса шпиков и мещанской публики, проклинающей демократов.

Несмотря на то, что многие из участвовавших в экспроприации были лично знакомы Казарову и рабочим, никто не был выдан; прокламации за ночь были расклеены по городу, отправлены в Осетию и разбросаны в казармах.

В конце сентября при все увеличивающейся реакции была созвана терско-дагестанская партконференция, происходившая в первый день на Московской ул. Представителями в большинстве были терцы, из Дагестана были только два товарища. Руководящую роль играл Платон и представитель Пятигорска, бывший рабочий Тихорецких мастерских, „Горняк"—Порфирий, участник прорыва вооруженной дружины Тихорецка в Ростовские мастерские т-ва „Горняк" и еще одна женщина, фамилии которой не помню, а также землемер Цирюльников, сбежавший впоследствии с белыми, да и в то время почему то личный друг Кулебякина. С первых же дней стало ясно, что квартира неудобна, т. к. находилась на большой и шумной улице, да вдобавок в эту квартиру приходила масса служащих по делам. Поэтому на следующий день конференция была перенесена на Надтеречную улицу, где также было небезопасно, так как эта квартира была на виду ох-

ранного отделения. Наконец перекочевала в винный подвал, находящийся на углу ул. Лекарской и Грозненской, где и была закончена.

Во вновь избранный комитет вошли председателем т. Щербинин Платон, членами: портной Иван Григорьевич, горняк Порфирий, один т. из Пятигорска, т. Роман из Грозного и из Дагестана и был еще кооптирован т. Семен, приказчик из магазина Розина, как заведывающий явочной квартирой и энергичный товарищ по партийной работе.

После конференции вплоть до 1-го января 1907 г. работа по организации масс, несмотря на все усиливающуюся реакцию, углублялась в том же количестве ячеек, но при большей конспирации. Под 1-е января К-том было решено устроить в 3-х местах встречу нового года: одну—по Надтеречной улице—против клуба Яворского, другую на Курской слободке, в библиотеке, и наконец в районе Шалдона, в здании, ныне разрушенном, в саду Нитабух.

Шалдонское собрание привлекло от 150 до 180 человек, где принимали участие т.т. Щербинин, Блюме и др. В самый разгар выступлений ворвалась банда жандармов, полиция и конная стража, под предводительством пристава Кожушко и жандармского поручика. Все были обысканы, Щербинин, Блюме и я, под усиленным конвоем были отправлены в полицию, из остальной группы выделили 80 человек, которых тоже препроводили туда же, и на третий день отправили в тюрьму, где распределили—24 чел. в пересыльную камеру, 6 человек в светлый карцер. Остальные же собрания по районам, узнав об аресте, разошлись и только поэтому не были арестованы.

С января войсковое правительство взялось основательно за ликвидацию социалистических партий и уже к 1 мая числилось до 112 чел. политических, не считая осетин, число которых доходило до 120 человек, отбывавших наказание за аграрные беспорядки и разгром лесных сторожек Владикавказского и Дигорского округов.

К этому же времени относится особый нажим на Чечню и шайку Зелим-Хана, из которой за два месяца было повешено до 8 чел.

В июне месяце в тюрьму был привезен весь избитый т. Шустер с-р., арестованный за убийство чиновника особых поручений Мамацева, которого он убил на Александровском проспекте, при большом стечении публики. За неимением хорошей конспиративной квартиры, он забрел в притон на Тифлисской ул., где и был арестован. Шустер просидел в одиночной камере 3 недели, а затем Тифлисской судебной палатой был приговорен к повешению, но за отсутствием палача (которого перед тем убили в петровской тюрьме) был ночью перевезен в крепость Назрань и на заре расстрелян.

В течении 1907 года через тюрьму прошла масса товарищей.

В мае месяце, ввиду невозможного режима, установленного начальником тюрьмы, была об'явлена совместно с заключенными уголовниками—голодовка. Уголовные, продержавшись два дня—сдались, мы же тянули до 5 дней и после заверения прокурора и инспектора тюрем о том, что положение будет улучшено, также прекратили голодовку. Но через неделю Иванов, верный своей тактике, все льготы

упразднил и повел политику натравливания уголовного элемента на политических. И благодаря только тому, что состав тюрьмы был на 70% из туземцев—не состоялось побоище политических.

Особенной придиркой, изводом заключенных занимался его помощник Василенко и надзиратель Алехин.

Хорошим организатором конспиративных передач считался, неоднократно отбывавший наказание в тюрьмах, т. Щербинин. Мы получали письма в пирожках, в белье, в перемене фуражек, в обложках книг. Здесь проявляла также свое искусство и его невеста Оля, квартира которой находилась против тюрьмы.

ПАДЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ.

В марте 1917 года, после падения самодержавия, в Нальчике стихийным образом был создан комитет РСДРП, связавшийся на 3-й день с Владикавказом, где во главе организации стоял т. Скрыльников, бывш. кооператор. В организацию вошли т.т. Кирочкин, впоследствии оказавшийся соглашателем, Василий—маляр, погибший в 1920 г. при взятии Нальчика белыми и каторжанин Василий, прибывший в Нальчик с целью полечиться.

Основав свою резиденцию в школе, мы начали вербовать в организацию рабочих по постройке железной дороги и деревообделочных и фанерных заводов. Здесь же начали работать эсеры, во главе с тов. Карпинским-кооператором, погибшим, после отступления в Ленкоранѐ, а также принимала участие т. Алексеева, ныне член ВКП(б).

В апреле приступили к организации Совета при противодействии комиссара округа, присланного членом Государственной Думы Карауловым, бывшим тогда командующим Терской области.

На первое общее собрание населения, группа рабочих с постройки санатория и с заводов пришла со знаменем и революционными лозунгами, что для такого города, как Нальчик, было новинкою.

Комиссар округа, учтя настроение масс, дал в большинстве выступать бывш. князьям, которые, желая напугать более революционную часть, указывали на оборотную сторону революции, один (Казолкин) даже говорил, что его право находится на кинжале.

Но это не остановило товарищей и в тот же день вечером был организован Совет, куда вошли т.т. Алексеева, я, Карпинский, Ратнер (с-р—интернационалист) и тов. Кирочкин, впоследствии также присланный из Владикавказа, т. Чернов—фельдшер. Партийный состав Совета был таков: два эсера—интернационалиста, один анархист и два социал—демократа.

В начале мая во Владикавказе постановлением Терского комитета была созвана конференция. Представительствовали от всех городов, причем, мы получили приглашение от фракции меньшевиков и большевиков за подписью тов. Скрыльникова и Орахелашвили. К тому моменту в Нальчике работали три товарища, из них два грозненца и тов. Василий.

Я был делегирован, как председатель фракции большевиков на с'езд. Председателем с'езда был избран тов. Скрыльников и секретарем Орахелашвили,—большевичка. В большевистской фракции был и тов. Фигатнер. Фигатнер—представитель Кисловодска и один товарищ из Пятигорска (из меньшевиков, кроме Скрыльникова, из так наз. лидеров, были доктор Рискин, Мамулянц и др.). Здесь впервые загорелся бой между двумя фракциями, вследствие чего при многих тактических вопросах мы от голосования воздерживались, считаясь с неопределенностью положения.

По возвращении в Нальчик мы вели большую работу по обработке крестьян Нальчикского округа. Кабардинские князья провоцировали бедноту и продолжали натравливать ее на казаков и русских.

В начале сентября, в Нальчике был созван Советом, при содействии эсеров местной организации и Владикавказа, с'езд крестьян Нальчикского округа. Кулацкая часть с'езда выступила открыто на сторону контр-революции, на почве утверждения власти чуть не произошла резня между членами с'езда.

После горячих дебатов на с'езде, нас русских работников—т. Алексееву, Карпинского, Гамсакурдия и меня—беднейшая часть участников с'езда буквально вырвала из рук князей, прижавших нас в проходе здания бывшей Городской школы, при чем один из князей (бандит впоследствии) замахнулся на т. Карпинского кинжалом.

На другой день на заседании Совета командованием был поднят вопрос о разоружении артиллерийской бригады, пришедшей с турецкого фронта, и остановившейся в Нальчике по приглашению Совета. Командир бригады подполк. Яненко, со дня прихода в Нальчик, повел общую политику с комиссарами; чувствуя, что Совет постепенно завоевывает влияние в батареях, избрал новых комиссаров в каждую батарею, втянул представителей в Совет и начал проводить кампанию по выборам в Учредительное собрание.

2-я его попытка обезоружить ночью поредевшие батареи не имела успеха. Воспользовавшись тем, что солдаты в 4 часа отправились в рощу, здесь же вблизи казарм, на выборы в Учредительное собрание, банды, состоявшие в большинстве из офицеров и низшего командного состава, захватили оружие, цейхаузы и затем перенесли свою деятельность на избирательное собрание, раскидали урны и обезоружив солдат, на другой день под конвоем отправили их в ст. Котляревскую.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

В конце октября на Всероссийский с'езд был послан тов. Киров. При первых проблесках Октябрьской революции, растерялось не только Терско-Дагестанское правительство, но и меньшевики с эсерами. На бесконечных заседаниях во Владикавказском Совете при захвате уже влияния большевиками (предсовдепа был избран тов. Орахелашвили) начали разыгрываться сцены, за которые наверное и сейчас некоторые краснеют. Так например: т. Попов—бывший комиссар

почты и телеграфа—эсер, на заседании гордился тем, что он телеграммы ВЦИК и Совнаркома не представлял в Совет; Мамулов до хрипоты развивал и предлагал свою эсеровскую линию бессилия и требования контакта революционных партий с Т.-Д. контр-революционным правительством, не видя того, что последнее уже организовало офицерские сотни и части из всякого сброда, которые только и ждут сигнала к разгону ненавистного им Совдепа, что царский бандит Кибиров со своей шайкой разгуливает по Дигории и направляется во Владикавказ. Вскоре они начали действовать: пьяная орда офицеров ворвалась на заседание Совдепа, обобрала присутствующих, арестовала Орахелашвили, Буачидзе и доктора Рискина (работает теперь в Москве), изорвала все дела и только большевистская спаянность и уже организованные отряды кермениcтов на другой день освободили товарищей.

Окраины, населенные наиболее революционным элементом, постепенно взяли в свои руки оборону, организуя самооборонческие участки с выборными комиссарами во главе. Такие же районы организовались в центре города.

Слабость вооружения заставляла нас рыскать по железным дорогам с опасностью для жизни доставать у проходящих воинских частей оружие. Так в первых числах ноября совещанием окраинных самооборонческих участков была послана группа товарищей в Прохладное, к стоящему там, после снятия с охраны дороги, штабу Уфимской дружины, которая должна была возвратиться на родину. Товарищи выпросили у дружины до 60 винтовок, с соответствующим количеством патронов, и начали грузить в только что прибывший пассажирский поезд полученное оружие.

С этим поездом ехал атаман казачьего войска Караулов. Часть солдат и публики, узнав об этом, подошли к вагону, вызвали Караулова, ехавшего из Пятигорска после встречи Волжского полка, прибывшего с германского фронта. Караулов ехал под охраной гвардейцев царской армии и был пьян. Выйдя на площадку вагона с братом-полковником и одним казачьим офицером Белорусским, он начал говорить с толпой, указывая, что виновато в анархии не Терско-Дагестанское правительство, а Совдеп, где сидят большевики и жиды и что он, как представитель б. Государственной Думы, с казачьими частями сумеет водворить порядок и смести всю красную сволочь из Терского Края.

Озлобленные солдаты, в большинстве уфимцы, и караульная рота пустились в пререкания с ним, после чего он, выругавшись, сказал, что вообще не желает говорить с бунтовщиками и зашел в вагон, откуда выслал свою охрану гвардейцев. Следом за ним вышел атаман станицы, кажется Павловский, который солдатами был ранен штыком. Озлобленная толпа откатила вагон в тупик, начав обстрел вагона с обеих сторон, на что засевшие в вагоне с Карауловым во главе отстреливались, пока не были перебиты и трупы их не были выкинуты на жел. дор. путь. Из нападавших был ранен один вольно-

определяющийся, который ранил себя по неосторожности, выбивая дверь вагона револьвером.

Ночью в 3 часа приехали наскоро сорганизованные казачьи части из офицеров и учащихся учительской семинарии, которые и начали расправу с случайно оставшимися солдатами.

Мы же, захватив оружие, пробились через мост реки Малки, направились к ст. Котляревской и с поездом прибыли во Владикавказ. Держась организованной вооруженной группой, мы уцелели, так как несмотря на аресты других солдат, нас офицерская свора не посмела обезоружить.

ОРГАНИЗАЦИЯ САМООБОРОНЫ.

В начале января 1918 года во Владикавказе была анархия.

В городе шла перестрелка между ингушами и отрядами самообороны города. Власть в городе перешла к управлению самооборонческих участков и начальнику гарнизона, известному бандиту Кибирову, отличившемуся убийством знаменитого абрека Зелим-Хана. Организованные им банды, из офицерства и отбросов туземцев и русских, буквально терроризировали население, особенно центр, но на окраины они все же боялись показываться.

Так, однажды офицерские сотни поехали на грузовиках за оставшимся оружием в б. кадетский корпус. Нагрузив оружие на автомобиль, они направились в город ночью по шоссе на Молоканской слободке. Самооборонческий участок, руководимый Симиковым и Сорокиным, собрал вооруженных граждан слободки, расположив под прикрытием вдоль шоссе, остановили залпами машины, убили нескольких человек, в том числе одного подполковника, отобрали оружие, стащив его в комиссариат слободки.

Взбешенный Кибиров звонит в комиссариат, требуя от Симикова выдачи оружия, а тот с насмешкой отвечает, что у него вооруженных до 3.000 человек и он с ними ничего поделать не может. На этом дело и закончилось.

Офицерская сотня перекочевала в здание, стоящее рядом с жел. дор. клубом. Тут она забаррикадировалась, расставила на балконах пулеметы и, имея массу бомб и взрывчатых веществ, занималась арестом рабочих и шалдонских ребят, пока не была выжита в феврале 1918 г. самообороной, при чем сотня имела одно орудие.

Уже в марте месяце все отряды Кибирова превратились в мародеров, грабя центральную часть города и обирая на вокзале пассажиров, пользуясь также поддержкой некоторых самооборонческих участков центра, состоящих в большей части из офицерства и чиновничества. В это время должен был приехать Пятигорский Народный с'езд, для встречи которого были высланы представители самообороны от слободок, которые и несли охрану. В 9—10 час. вечера с'езд прибыл во Владикавказ и, чтобы навести панику, кибировские банды устроили перестрелку, как встречу новой власти.

Комиссариатом самооборонческих участков окраин было постановлено обезоружить весь сброд. И вот ночью обложили офицерскую

сотню, находящуюся возле станции. Утром послали депутацию с предложением сдать оружие, на что они высокомерно отказались, особенно протестовала одна женщина прапорщик—пулеметчик, убитая одной из первых. В обед прибыла делегация с'езда, которая также предложила им обезоружиться и раз'ехаться по местам, на что также последовал отказ.

Часть ребят с Шалдона с тов. Окроперидзе (сейчас работает в ИТД) поехала в ст. Сунжу и уговорила часть казаков выехать в город для совместного выступления, обманув их тем, что офицеры хотят передать оружие туземцам, почему казаки приволокли даже орудие. Провозившись с сотней до 2—3 час. дня, решили выбить их с боем. Когда уже начало смеркаться, некоторые офицеры согласились сдать оружие с условием, чтобы им предоставили вагон и они могли бы выехать в другие районы.

Самооборонцы, возмущенные их сопротивлением и боем в течении суток при их выживании, а шалдонцы еще тем, что меня в бою тяжело ранили навылет из пулемета, остановили поезд, перестреляв большую часть офицеров, а остальных спасли делегаты с'езда, которые и увели уцелевших в город.

Остальные банды разбежались восвояси. В городе комендантом был назначен тов. Ситников, умерший в 1919 г. после отступления в Грузию. Из местного населения был создан железный отряд и Владикавказский полк, а из Пятигорска прибыли 2 батареи. Собралась, как будто, большая сила.

Совет Народных Комиссаров Терской области под председательством тов. Буачидзе приобрел возможность приняться за разгон контр-революции. Одним из видных контр-революционеров был полковник Бичерахов; он обосновался в Моздоке и считал себя тоже „демократом". Бичерахов, зная, что из себя представляет Владикавказ, как резиденция Совета Народных Комиссаров, откуда красные части перебрасывались по всей области для борьбы с контр-революцией, стал организовывать станицы по направлению к Владикавказу, остановившись в Котляревской, где долгое время мы вели борьбу с казаками.

Наконец, Совет, по соглашению с Бичераховым, решил в Котляревской созвать совещание, чтобы найти какой-то выход из создавшегося положения. На совещание был отправлен с некоторыми товарищами Шляпников, назначенный особо-уполномоченным на Кавказ из Москвы. Но здесь сразу стало ясно, что казачьи верхи настроены за уничтожение Советской власти на Тереке, и ни до чего не договорившись, делегаты раз'ехались.

Совет, с тем наличием сил, которые были в его распоряжении, бороться с контр-революцией не мог и стал придерживаться оборонительной позиции, тем более, что и в левобережной части орудовали банды Кибирова и Серебрякова. В районе Сунженской линии банды неоднократно устраивали набег на Грозный, 4 станицы на восток от города с Сунжей во главе под председательством полковника Рощупкина, где имелись орудия, заставляли опасаться за тыл.

Все коммунистические силы группировались возле Совдепа, где работали т.т. Камалов, Шмулевич, Никитин; все они погибли в августовские дни. Партийная организация была слаба, тем более, что все поголовно были заняты горячей боевой продовольственной работой, а потому всякая организационная работа отсутствовала, не считая митингов, проводимых на окраинах и в мастерских. Для проведения политической работы в организованных частях Красной гвардии не хватало сил, части перебрасывались часто с места на место, что ослабляло дисциплину.

В июле население Бардубаса и других селений горной Ингушетии, не имея возможности доставить продовольствие из плоскости по единственной дороге через селение Тарское, напали на последнее, с целью согнать казачье население.

Завязался бой, на помощь казакам пошли часть окраин, которые помогли отбить ингушей. Этим случаем воспользовались казачьи банды левобережной части и как бы для того, чтобы выступить на помощь Тарской станице, вошли в город. В затеречной части, в казармах б. артиллерии стояла рота Владикавказского полка и батареи артиллерии. Казаки направились туда, чтобы спровоцировать красноармейцев, получить снаряжение и пулеметы.

Т. т. Буачидзе, Беленкович и др. выехали в часть, тов. Буачидзе стал отговаривать красноармейцев, доказывая опасность вооружения казаков; и когда он стоял, облокотившись на колесо орудия, из здания раздался выстрел, которым был убит один из лучших коммунаров т. Буачидзе. Только после потери т. Буачидзе принялись за введение в воинских частях соответствующей дисциплины.

После убийства тов. Буачидзе контр-революционеры подошли вплотную к городу, остановившись в Архонке и других близлежащих селениях. Нас поддерживали села Дигорского округа, отряды кермениstов и с этого момента власть и части стали жить напряженной боевой жизнью с еженочными перестрелками, вплоть до августовских событий, совпавших со с'ездом народов Терека.

АВГУСТОВСКИЕ БОИ.

В августе банда полковника Соколова, укомплектованная из казаков левобережной части и контр-революционной части Осетии, на рассвете напала на расквартированную воинскую часть в здании по Московской улице, где сейчас помещается Сборный пункт Военкомата. Одну часть захватили спящую и обезоружили; другая, находящаяся на верхнем этаже, предупрежденная прибежавшим товарищем, начала отстреливаться и кидать в засевших казаков бомбы.

В общем, в центре чувствовалось с вечера, что офицерство что-то замышляет и начало шевелиться, это особенно заметно было в центре. Поэтому, придя домой уже в полночь с заставы, видя оживленные своры, мы начали настораживаться. Перед рассветом вдруг стрельба залпами с северо-западной стороны.

Вооружившись мы побежали с т. Будаговым на выстрелы. Добежав до Терека в районе б. бани Андреева, мы увидели, как казаки и офицеры расстреливают на деревянном мосту перебегающих через него красноармейцев. На наших глазах один падает на мост, другой же скрылся за деревьями б. парка Яворского. Видя, что здесь могут расстрелять в одиночку, мы быстро приходим на Пролетарский, где гостиница „Европа".

Канонада гремела в здании Сборного пункта и видна была перебежка казаков. Здесь же собиралась самооборона центра, которая первым долгом наметила обезоружить нас, но видя, что нас собралось до 8 человек, и боясь хорошего отпора с нашей стороны, дала нам возможность отойти на Шалдон, где уже собралось две заставы.

Не имея связи и приказаний, мы не знали, что делать. Через полчаса пришло до 200 человек ингушей, вызванные в город командованием, но увидя, что им без оружия делать нечего, решили уйти домой. Между заставами тут же появились провокаторы из офицеров (один из коих, пор. Кузнецов, служил на заставе) и начали натравлять заставы на безоружных ингушей. Нам пришлось выделить несколько надежных товарищей, которые и проводили ингушей за город.

Соединившись с железнодорожниками, взяв пулеметы с броневика, мы начали наступать на сборный пункт и, загнанные в подвал, казаки с полк. Соколовым во главе, были частью перебиты, а часть отведена в сторону Базоркино, где и расстреляна. Трупы, оставшиеся возле штаба и на дворе, в большей части были из простых казаков, один лежал против памятника в лопухе, с сумкой через плечо, из сумки выскочил огурец и кусок темного хлеба...

Придя на Шалдон мы увидели группу казаков обезоруженных, которые дипломатично расспрашивали в чем дело, на самом же деле это были разведчики полк. Рощупкина, отряд которого прибыл в город на подмогу, с несколькими пулеметами и 2 орудиями, заняв позиции до 2 Балки за Шалдоном. К вечеру подошла к белым подмога казачьих станиц, вплоть до Прохладного, и часть плоскостной Осетии из Алагиря, Ардона и Кадгарона. Захватив в первую очередь Владимирскую слободку, Верхне-Осетинскую и центр города привлекли самооборону и начали расстреливать всех заподозренных людей.

Случайно в их руки попали т.т. Гегечкори Саша, командир грузинского отряда, пришедший в город через Алагирь, Шмулевич, Камалов, из коих два последних расстреляны, а Гегечкори отпустили на честное слово.

Отсутствие достаточного количества патронов и снарядов, заставило после боев Красную армию отойти на вокзал под прикрытие броневика и занять позиции: Госпитальную улицу с единственным сообщением в Ингушетию, по Базоркинской дороге.

Штаб расположился по Воздвиженской улице. Революционным настроением всех сражающихся командующим был выдвинут красноармеец Митяев. Красные части буквально не получали никакой подмоги, к белым же все время прибывали все новые банды с расчетом пограбить.

Положение усугублялось еще тем, что казаки привезли легкий броневик, что давало им перевес в уличном бою и наводило панику на бойцов, не бывших на фронте. На 5-й день на помощь красным пришли ингушские части, а также из Ингушетии были доставлены патроны и все же один день был чуть ли не решающим для Красной армии, когда некоторая часть, напуганная наступлением белых и броневика, чуть ли не очутилась в Базоркино.

На 9-й день было решено при поддержке бакинского броневика, ингушей, населения Курской слободки, затеречной части, Молоканской слоб. и Горной Ингушетии повести энергичное наступление на центр и к утру белые, захватив контр-революционную часть активно участвующего населения города, бежали в сторону Гизеля и сел. Архонки. С Верхне-Осетинской слободки часть сбежала в ст. Сунжу, где и была захвачена после ингушскими частями Красной армии.

Народный с'езд через Горную Ингушетию перебрался в сел. Назрань, после же изгнания белых прибыл во Владикавказ.

Выбивать белых пришлось не только боями на улицах города и с баррикад, которых они настроили на каждом углу, приспособив все подвалы, выходящие на улицу, но и буквально из каждого дома, где они засели, имея прекрасное оружие, пулеметы и бомбы. Поэтому их приходилось выживать, бросая в дома бомбы или, облив деревянные части керосином,—поджигать их, после чего оказалось более 400 разрушенных домов. Здесь постаралась подрывная команда тов. Беленковича и китайский отряд.

В результате августовских боев, белые были из города выбиты. Захватив из банка солидную сумму денег, вместе с ними бежал с.-р. Семенов и др. Они организовали „Казачье-крестьянское правительство" в Моздоке.

ОТСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.

После августовских событий стали энергично организовывать части Красной армии и усиленно строить в железнодорожных мастерских броневые поезда по системе инженера Андреева „Варяг" и „Богатырь".

Комиссар внутренних дел т. Фигатнер стал усиливать заставы в количестве до 350 человек, но все это мало устраивало. Нехватало снарядов и патронов, так что воинским частям пришлось вплоть до отступления в феврале 1919 года, вести борьбу по селам, усмиряя то или иное село, поднимавшее восстание под влиянием пропаганды офицерства. Спокойно себя чувствовали только в Ингушетии, откуда могли получать продовольствие и патроны для населения и Красной армии, за деньги, печатаемые здесь же на фабрике „Эспека".

Осенью пала Красная Кубань. К январю банды Шкуро продвинулись до Пятигорска и Владикавказ стал наполняться беженцами со всех сторон. В январе казаки заняли Ардон и стали собирать в свои отряды казаков из близлежащих сел и единственное сопротивление встретили в Дигории со стороны керменистов и населения села Ново-

Христиановского, где после боя банды Шкуро и Вадбольского ограбили у населения весь скарб и скот.

Чтобы задержать продвижение белых у Архонки, был брошен туда отряд под командованием тов. Гегечкори, которого, не доезжая до Архонки, ранили. Отряд, встретив большое сопротивление, отступил во Владикавказ.

В конце января 1919 г. Шкуро со своими бандами, заняв ближайшие села, стал нажимать на Владикавказ с запада. С восточной стоны было безопасно: села были заняты ингушами, казаки выгнаны после августовских событий.

В бой на Ардон был брошен коммунистический отряд, подкрепленный заставами, принявший бой на хуторе Ардонском. Ввиду малочисленности и большого нажима регулярных частей отряда Шкуро, коммунистический отряд отступил в город. Утром 1 февраля Шкуро со своими частями мобилизованных войск, подкрепленных казаками и осетинами Владикавказского округа, окончательно обложил город от Немецкой колонки до Лысой горы. На следующий день его отряды дошли до кадетского копуса. На позициях западной части завязался бой.

Тов. ОРДЖОНИКИДЗЕ
Чрезвычайный Комиссар Терской области в 1918 г.

Совещание командного состава под председательством тов. Серго Ордженикидзе решило выступить на Грозный через Ингушетию и в 12 час. отступили в с. Базоркино.

Слободки и часть застав, оставшись в городе, продолжали бой до вечера, вечером казаки отошли к Гизелю и Ардонке. На совещании, в б. имении гр. Уварова в Базоркино, решено было вернуться в город и вновь повести защиту на уже подготовленных позициях, для чего утром отправлены были железнодорожный и коммунистические отряды, выступившие на помощь и брошены все силы, которые были в наличии, в том числе и милиция, затем и прибывший во Владикавказ отряд из Грозного.

Недостаток снарядов и патронов заставил прибегнуть к устройству мастерских по изготовлению патронов на заводе Алагирь. Тов. Камараули стал начинять орудийные снаряды и делать примитивные зажигательные бомбы. Для стрельбы из пулеметов были собраны фабричные патроны, для стрельбы из винтовок пользовались только пулями собственного изготовления, что, естественно, портило винтовки и не давало хорошей стрельбы.

Главным местом боя был район от новой тюрьмы до Молоканской слободки. Тюрьма являлась удобной крепостью для белых, тем более, что мы имели ограниченное количество снарядов, да еще с черным порохом, не могли нанести существенного вреда им, а поэто-

му приходилось при поддержке броневика „Богатырь“ несколько раз останавливать наступление белых из тюрьмы. Здесь большое участие принимали заставы, железнодорожный отряд и одно время грозненский отряд.

В одном из боев за обладание тюрьмой, несмотря на помощь им горной батареи, мы выбили их, и даже на Тереке ими были оставлены два орудия.

За Владимирской слободкой сражались коммунары, часть милиции и Владикавказский полк с населением и 3-мя заставами.

На 7—8 день казаки окончательно окружили город, дойдя до хуторов на реке Комбилеевке, где стояли заставы и Красный полк, поредевший к тому времени до 80—100 человек и в большей части больных. К этому времени к белым подошли броневики и их части продвинулись до госпитальных кладбищ, громя этот район из артиллерии с запада и броневиком с севера.

За два дня до отступления в Ингушском исполкоме состоялось совещание, где участвовали представители частей Совдепа, и здесь выяснилось, что дни Владикавказа сочтены и придется отступать в горы Ингушетии, но, в связи с привычкой, никто серьезно на это не обратил внимания.

В этот же вечер белые выслали делегацию с белым флагом, которая, подойдя к нашим примитивным окопам, повела с нами переговоры. Видя, что мы прекратили стрельбу, они задумали продвинуть 3 цепи казаков на наши укрепления; в это время приехал нач. фронта Огурцов, который, учтя положение, начал первый стрелять по цепи. Поднялась канонада и казаки были отбиты. В отместку за это казаки начали обстрел города с орудий, разрушив несколько домов на слободке и разгромив палату в военном госпитале, где были убиты несколько раненых красноармейцев.

11 февраля белые получили подкрепление, оттеснив ингушей и командные курсы в сел. Кантышево. С 11—12 час. они повели энергичное наступление на город, нажимая на район мастерских по линии жел. дороги и Курскую; конные же части бросились со стороны старых скачек на сады Шалдона.

Измученные защитники революции без патрон и продовольствия начали отходить в центр, при чем большую помощь белым оказал густой туман, начавшийся с утра и было даже несколько курьезов: когда туман на время рассеивался, то перед нами были лицом к лицу уже подошедшие белые и вновь начиналась бешеная перестрелка и отход вглубь города.

Отступая на Чугунный мост в сторону Военно-Грузинской дороги, можно было наблюдать кошмарные картины: отступали группами и в одиночку бойцы, из больниц и госпиталей двигались полуроты больных и раненых красноармейцев, сестры милосердия и сиделки поддерживали раненых и вся эта потерявшая энергию масса двигалась в горы, с единственной надеждой убежать от ужаса, зная „добродетели“ белых банд по расправам на Кубани и Тереке.

Положение отступающих было кошмарное еще и потому, что оставшиеся в городе контр-революционеры, видя отступающих, стали из окон стрелять по ним, а западная сторона—гребень по Военно-Грузинской дороге—уже была занята белыми, откуда они обстреливали шоссе, убивая чуть ли не на выбор отступающих, и если бы не броневик „Ленин" пришлось бы худо. Начальник штаба Мартынов, установив на легковой автомобиль пулемет, с Щербининым и еще 2 товарищами выехали к цепям казаков и поотогнали их к Лысой горе.

Отступившие части, отойдя 5 верст от города, остановились на Реданте, развели костры, но белые, измученные борьбой и наученные горьким опытом, каково наступать на революционные части города, не посмели ночью подойти к стоянке.

Утром штабы, больные и безоружные отступили в Балту, куда ночью тов. Думбадзе и другие ездили уговаривать ингушей. Заняв Сараджевский завод, 100-150 человек с частью ингушей задержали наступление белых. Их раз'езды подошли к нам на 50-100 саж., прислав нам братские письма с предложением сдаться, за что мы их отблагодарили залпами. Под нажимом белых к вечеру мы ушли в Балту, а ночью, забрав всех отступивших, поддались в Ларс, заняв позицию от селения вплоть до Дарьяла грузинских застав.

Штаб селения Ларс и обозы были на открытом воздухе, при 14-ти градусном морозе. Больные и раненые, находясь в ужасных условиях, стали буквально умирать, как мухи, и с первого же дня началась голодовка, так как при отступлении не было запасов продовольствия, кроме случайных запасов при военных частях.

С вечера взорвали часть шоссейной дороги, заняли вершины гор красноармейцами, поставив на выступе пулеметы.

Посовещавшись ночью Совдеп, командование и парторганизации решили попытаться сговориться с грузинским правительством о пропуске в Грузию. В Дарьяле на мосту начальник укрепления был известный мерзавец полк. Церетели. Утром в Дарьял выехали Кавтарадзе, Думбадзе и нач. штаба (фамилии не помню)—Церетели обещал им проход обезоруженных после разрешения грузинского правительства, а пока что приходилось под ветром и убийственным холодом отогреваться у костра.

К обеду со стороны Грузии начали подходить грузинские солдаты народной гвардии, выменивая у отступавших оружие и ценные вещи на кукурузный чурек. К вечеру стали появляться офицеры, иронически улыбаясь, смотрели на раздетых „грозных" большевиков. Курьезным случаем было следующее: перед отступлением было получено сообщение, что к нам жалуют гости-англичане. Для того, чтобы обезопасить себя с тыла, решено было взорвать дорогу в самом узком месте, как раз в районе Дарьяла. На наше счастье бритты не пришли и взрыв получился неудачным, так что на другой день его быстро исправили.

Грузинское правительство решило пропустить нас в Грузию, но предложило сделать показательный бой и якобы после боя они взяли нас в плен. И вот ночью загорелся бой, посыпались выстрелы с одной

и с другой стороны; 2 часа продолжалась стрельба из пулеметов, бомбометов и орудий, а затем затихла. После, будучи уже в лагере в Тифлисе, нам пришлось читать в местной газете сообщение Церетели, что после боя с большевиками им взято в плен 2000 человек большевиков, убито 12 чел. и ранено 8 человек.

М. Кольбус.

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В 1917 г. ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Владикавказ—административный центр Терской области. Военно-казачье управление накладывало на него специфический отпечаток. Отсутствовало земство, не было суда присяжных. Последние же годы перед революцией к чину наказного атамана войска Терского было добавлено „военный генерал—губернатор". Вся область была почти на военном положении и неограниченная власть перешла в руки военно-казачьих кругов.

Ни торговым, ни промышленным городом Владикавказ не был. Единственным крупным предприятием был Алагирский завод (серебряно-свинцовый) Бельгийского Акц. Общества. Рабочие этого завода, да жел. дор. мастерских и составляли пролетариат города.

Сравнительно много было строительных рабочих, но в 1917 г. этот кадр рабочих сильно уменьшился.

Остальное—генералы, чиновничество различных рангов, офицерство—основной кадр его жителей.

Это особенно сильно чувствовалось в 1917 г. при организации профсоюзов: на первом месте стоял союз домашней и ресторанной прислуги и самым маленьким был союз металлистов.

После Февральской революции первыми шагами нескольких подпольщиков, наряду с участием в выборах Совета, был созыв легального заседания всех с.-д., находящихся в городе. Некоторые с.-д. потеряли связь с партией, некоторые недавно возвратились из ссылки и еще не связались с парторганизацией. Поэтому и на собрание пришло много больше, чем работало перед революцией.

Группа РСДРП решила созвать одно общее собрание всех с.-д. и затем уже организовываться, смотря по тому, какое будет лицо у парторганизации. Собрание оказалось пестрым—от большевика до самого крайнего правого крыла.

Всего пришло человек 16: Скрынников, Применко Мария, Кикодзе, Рискин, Казбек Соломон, Стародубцев, Мамулянц Егор, Будагов, Передков и Полякова. Киров на это собрание почему-то не пришел. На собрании было всего три большевика: Передков, Будагов и Полякова.

Скрынников внес предложение попробовать работать вместе и организовать об'единенный комитет, мотивируя тем, что особенности Терской области требуют от партийных организаций единства, хотя бы на первых порах.

Фракция большевиков 1917 г. Владикавказской организации РС-ДРП

Ной Буачидзе

М. Орехалашвили

М. Орехалашвили

В. Будагов

Г. Цаголов

Е. Полякова

С. М. Киров

Группа большевиков согласилась „попробовать“ работать. Вошли в комитет от меньшевиков: Мамулянц, Казбек и Скрынников, от большевиков: Полякова и Передков. Комитет был избран с правом кооптации и через несколько дней, пользуясь тем, что Казбек мало принимал участия в работе комитета, кооптировали Кирова*).

Особенности Терской области были в том, что, с одной стороны, казачество приняло революцию, как возвращение к выборному атаманству, а с другой,—реакционные слои казачества вели уже агитацию по станицам на тему: „революция даст свободу горцам грабить казаков“. Горцы же, за исключением некоторой части Осетии, где работали местные революционеры, были недоступны подпольным работникам, никто из нас не мог проникнуть в аулы, так как правительственные чиновники особенно зорко следили за тем, чтобы к горцам не попали „неблагонадежные“ люди.

Так, что до 1917 г. никакой революционной пропаганды там не велось. Никто точно не мог определить, как и за кем пойдут ингуши, чеченцы и проч. Зная хорошо их адаты, можно было предполагать, что горским генералам обработать темную массу будет легче, чем русским большевикам.

Появление на политическом фронте таких фигур, как Мутушев, князь Капланов, Тапа Чермоев,—говорило за то, что эти авантюристы дешево не сдадут своих позиций и в аулах, где они взывают к национальным чувствам, они станут вождями горцев. Считаясь также с малочисленностью владикавказского пролетариата, группа большевиков должна была начать свою легальную работу совместно с меньшевиками.

Было решено, что фракции остаются свободными в своих суждениях и могут выступать самостоятельно по вопросам, не получившим никакого большинства.

На большевистской фракции с.-д. партии решено было завоевать в первую голову рабочие массы, обработать их в большевистском духе и затем ставить вопрос об организации самостоятельной партии.

Нужно сказать, что за исключением Кисловодска, где Юрий Фигатнер организовал самостоятельно большевиков (правда, в количестве 3—4 человек), во всех городах Терской области существовали об'единенные организации. Одни (как Грозный) отмежевались от меньшевиков окончательно раньше, другие позже.

Оторванный от центра (газеты получались на 5—6 день), актив большевиков, конечно, не мог охватить полностью всего совершившегося. На фракции большевиков приняли только твердое решение, предостеречь рабочих от чрезмерных иллюзий Февральской революции.

12-го марта была организована первая демонстрация с широкими митингами. Уже на этих митингах большевики выступили самостоятельной фракцией по вопросу о судьбах революции.

*) Ныне секретарь Ленинградского Губкома ВКП(б).

До кооптации Кирова Партийный Комитет работал вяло. Большевики работали по разбору охранки, одновременно связываясь с рабочей массой железнодорожников.

На Алагирском заводе среди масс работали Передков и Козиненко. А на железной дороге работа проводилась через Долобко*) и др. товарищей. Старых большевиков на жел. дороге не было.

Меньшевики же были заняты Областным Гражданским Комитетом и старались сбить с позиции с.-р. в Совете Рабочих Депутатов. Председателем Совета был с.-р. Гамалея. Хитрый, как лиса, он умел во время ввернуть слово о земле и воле и был популярен среди солдат и мелких служащих.

Рабочие же его не любили. Их особенно раздражали его руки, в черных перчатках, которые он никогда не снимал: „Вертит своими черными лапами, как ворон крыльями"—слышалось везде и скоро его место занял Скрынников**).

Конечно, это не изменило физиономии Совета. Вместо с.-р. стал меньшевик, да еще такой непримиримый, как Николай Скрынников.

В начале марта на заседании Совета Раб. Депутатов целый вечер шел словесный бой по вопросу о 8-мичасовом рабочем дне.

С.-р. и часть меньшевиков заявляли, что с этим вопросом лучше подождать, что сейчас война и проч. и проч., большевики же возражали и требовали от Совета об'явления 8-мичасового рабочего дня.

Совет вынес меньшевистское постановление; что-то, примерно, так: „Не возражать в принципе, но на время войны считать преждевременным". Решили прежде выделить комиссию для проработки этого вопроса. Комиссия „плавала" в словоизлияниях, а вопрос не двигался с места.

Такое решение было наруку большевикам, и на предприятиях большевики видели, как рабочие все больше и больше начинают верить им, все больше видят правоту большевистских идей.

В апреле из Москвы приехал большевик Цаголов Георгий (убит в 1919 г. белыми), студент Московского Университета.

Цаголов был брошен исключительно для обслуживания важного ж.-д. района. Скоро приехал еще и Ильин (тоже убит в 1919 г.) и оба эти студенты—светлые головы, чудесные товарищи, начали завоевывать окончательно жел.-дор. мастерские. Первый дебют Цаголова вызвал даже испуг у владикавказских меньшевиков. Приехавший москвич—прекрасный оратор, он был им опасен. Нового большевика слушали с большой охотой.

14-го апреля Совет Рабочих Депутатов вынес на об'единенное заседание с Советом Солдатских Депутатов вопрос о демократизации Городской Думы. Было решено послать столько же представителей от Совета, сколько было и гласных (60 человек).

---

*) Долобко убит в 1918 г. в ст. Змейской вместе с предсовнаркома Тер. республики тов. Пашковским.

**) Скрынников впоследствии перешел к большевикам и в 1920 г. убит бандитами.

Предложено было каждой политической партии выставить своих представителей и сказать свое „политическое кредо".

Для иллюстрации обстановки, в которой большевики работали, приведем один эпизод, разыгравшийся на этих выборах. Председатель с.-р. к-та Карапет Мамулов задолго хвалился, что он „подготовил своих солдат" и что стоит ему только захотеть, как в Думу пройдут одни с.-р.; мы его, конечно, поздравили с такой победой.

Нужно сказать, что в городе стояло два пехотных полка с Кавказского фронта. Это были совершенно разложившиеся части, которые нужно было бы распустить по домам. С.-р. переписали их всех в свою партию и солдаты часто приходили в Совет спрашивать—будут ли выдавать сахар по партийным билетам.

Маленькая фракция кадетов захотела выдвинуть свой список и сказать свое „кредо". Социалистические организации смеялись и пророчили им провал, но все же представитель в Совете к.-д. адвокат Скуридин выступил с программной речью, вслед за ним выступил с.-р. Мамулов и стал высмеивать кадетскую партию, заявив, что там одни только адвокаты и что порядочный адвокат, вроде него, Мамулова, в такой партии состоять не может. Скуридин крикнул, что слова Мамулова—провокация.

— Я провокатор, товарищи, защитите меня!—взывал к солдатам Мамулов; и солдаты кинулись на Скуридина, еще минута и его бы растерзали, если бы не члены Следственной комиссии Передков и Козиненко. Взяв под руки Скуридина, они об'явили об его аресте. Солдаты перед членами Следственной комиссии отступили и Скуридин был выведен на улицу. К.-д. один за другим потихоньку шмыгнули из залы, забрав с собой злополучный список.

Мамулов (с.-р.) начал пугать и с.-д., заявляя, что такую же штуку он применит и к большевикам. Большевики посоветовали ему заняться чем-нибудь более приличным.

БОЛЬШЕВИКИ ЗАВОЕВЫВАЮТ ПОЗИЦИИ.

Наряду с работой, заседаниями, неприятностями и горестями большевики усиленно готовились к первомайской демонстрации. Цаголов писал лозунги—листовки. Рабочие были оживлены необычайно: шили знамена, вышивали лозунги, убирали знамена цветами.

Первомайский праздник вышел очень торжественным, несмотря на холод и слякоть.

При появлении первых, стройных рабочих колонн с красными знаменами, у многих товарищей были слезы в глазах. Чувствовалось наступление революции.

Вечером 1-го мая проводились собрания.

В центральных газетах была напечатана выдержка из речи Ленина по приезде в Россию. Получив вечером газеты, члены к-та и ряд др. товарищей собрались вместе читать. По вопросам, затронутым в этой речи, открылись горячие прения.

Меньшевик Мамулянц, отвечая одновременно Цаголову и Ильину, требовал постановки обсуждения этой речи на заседании комитета. Меньшевик Скрынников заявлял, что бред не подлежит рассмотрению на Комитете. Ставить бредовые идеи, он, как председатель комитета, не станет.

Большевики возмутились и предложили поставить на комитете, а затем на партийном собрании (В комитете в это время было всего 3 большевика). Скрынников заявил, что мы втроем можем обсуждать, что нам угодно, и что он ставит вопрос о перевыборах к-та.

Четкие мысли Ленина, раз'яснение большевистских идей упали на готовую почву. Новые кадры большевиков крепли. На жел. дороге появились активные рабочие—Кирякин, Литвинов и др. Это были наболее передовые товарищи и уже легче стало вербовать остальных.

С мая фракция большевиков начала пополняться: возвратился из эмиграции Ной Буачидзе*), приехал такой сильный работник, как Мамия Орахелашвили**), Мария Платоновна Орахелашвили***) и ряд других.

Мамия, Мария Платоновна и Ной среди рабочих пользовались необычайным доверием и любовью. К Ною Буачидзе, больному туберкулезом, рабочие относились особенно бережно и чутко. На одном собрании, как только появился на трибуне Буачидзе, рабочие быстро, как по команде, затушили папиросы и кто-то открыл окно.

На собраниях рабочих проходили наши резолюции. Выдвигая какое либо предложение, большевики особенно подчеркивали, что оно исходит именно от большевиков. Особенно активно вмешались большевики при проведении кампании „Займа Свободы". Несмотря на крик и шум со стороны меньшевиков, большевикам удалось добиться в жел.-дор. мастерских категорического отказа рабочих от „Займа".

Беседы и лекции в мастерских и на заводе, кружки внутри партии,—все это было в руках большевиков. Меньшевики же старались занять места в Совете, Думе и Областном Гражданском комитете. Им это было легче сделать, так как почти все они были жители Владикавказа и Терской области, их больше знали, чем большевиков, приехавших из других мест. Только тов. Киров работал во Владикавказе давно.

Совет Раб. Депутатов вел соглашательскую линию, Совет Солдатских депутатов был в руках с.-р. и занимался больше вопросами, почему не идут на войну все штатские.

Фактически же власти ни в городе, ни в области не было. По казачьим станицам властью был Войсковой Казачий Круг, вернее атаман Караулов и, хотя Караулов входил в Обл. Гражд. К-т, власти этого Комитета казаки не признавали. В городе властью себя считала и Городская Дума, но несмотря на демократизацию, она оставалась „разговорным органом" и, заседая раза два в месяц, разбирала разную „вермишель". Каждый раз на повестке дня стояло до 70

*) В 1918 г. был Пред. Совнаркома Тер. Республики, убит в 1918 г.
**) Один из заместителей Предс. ЦИК'а СССР.
***) Член коллегии Наркомпроса Грузии.

вопросов, но за все время ее существования, разобрали вопросов 5, больше митингуя, чем серьезно разбирая дела.

В первой половине мая удалось поставить в Совете Раб. Депутатов вопрос о задачах Совета Раб. Депутатов в настоящий момент, но вопрос этот, несмотря на шумные дебаты, вылился в очень расплывчатую резолюцию (меньшевистскую). В этой резолюции были только фразы и ни одной четкой задачи.

На этом же заседании большевики вынесли от своей фракции протест против постановлений Областного Гражданского Комитета, ограничивающего свободу собраний и митингов.

Караулов провел через Войсковой Казачий Круг—об'явить в Терской области смертную казнь бандитам (каким?). Совет Рабочих Депутатов гор. Владикавказа протестовал и послал телеграмму Временному Правительству—отозвать Караулова за самочинство в Терской области. Просьба была удовлетворена. Вместо Караулова назначили комиссаром области полковника Михайлова.

Были страстные выступления и в этом вопросе весь Совет был единодушен, за редким исключением.

Решено было, помимо протеста Совета, организовать митинг протеста у дома Караулова.

„МИРНОЕ ЖИТЬЕ" С МЕНЬШЕВИКАМИ.

18 мая в городе открылся Областной С'езд Гражданских Комитетов, и хотя на этом с'езде были представители и Совета Раб. Депутатов и Солдатских депутатов, все же с'езд вынес постановление о признании Гражданского Комитета—верховной властью в Терской области, вплоть до Учредительного собрания.

В то-же время во Владикавказе была созвана обл. конференция с.-д. по организационным вопросам. Приглашение на конференцию исходило от обоих фракций и большевиков и меньшевиков. Конференция ничего существенного не сделала. Решено было избрать областной комитет с.-д. об'единенный. По вопросу о выборах в Учредительное собрание решение было вынесено расплывчатое. Решено было договориться с Дагестанской областью, так как избирательный район был Терско-Дагестанский. Было много шуму—разговоров, но положение Терской области было таково, что на фракции большевиков временно все же решено было остаться в об'единенной организации там, где еще слабы позиции большевиков, разоблачая везде и всюду меньшевистскую политику и ведя внутрипартийную борьбу.

Советы были почти везде в руках меньшевиков и с.-р., даже в Грозном, где большевики вели отчаянную борьбу в Совете и на промыслах, Сов. Раб. Деп. 29 мая вынес резолюцию о поддержке Вр. Правительства, о сотрудничестве с буржуазией и о немедленном наступлении на фронтах. И против этой резолюции голосовало только 12 человек (весь состав большевиков в Грозн. Совете).

Летом перед фракцией большевиков уже стал вопрос о ликвидации „мирного житья" с с.-д., но июльские события заставили большевиков отсрочить это решение.

Надвигалась реакция. Июльские дни были использованы в Терской области самым разнообразным образом. Среди казачества велась агитация за вооружение, за приведение всего казачества в боевой вид. „Очевидцы" из казачьих генералов сообщали, как владикавказские большевики призывали грабить города и станицы. Плелась выдумка о вооружении ингушей. Жертвой этой провокации пал даже Караулов—убежденный монархист.

Среди ингушей велись рассказы о том, что большевики—это шайтаны. Генералы играли на религиозных чувствах, уверяли, что большевики пожгут мечети. Говорили, что казаки вооружаются, ингуши собираются резать казаков.

Терская область волновалась. Еще глухо, но зловеще гудели станицы и аулы.

Из горцев в партии были только осетины. Все они были брошены по селениям и вели там неустанную агитацию, подвергаясь большим опасностям.

Владикавказские меньшевики не представляли из себя целого. Организация включала в себя и группы „Единство" и „Новожизненцы" и более левых, сливавшихся с большевиками, как Рискин, на квартире которого всегда заседала фракция большевиков. Но все же даже такие меньшевики, как Симон Такоев, Элердов и пр.—представители более правого крыла в июльские дни знали, что реакция Терской области идет не только против большевиков. Этим об'ясняются и выступления на митингах Георгия Мамулянца с защитой июльских событий и раз'езд других с.-д. с нами по Области.

Приходилось успокаивать темные массы горцев и буквально демонстрировать перед ними „живого" большевика. Зато внутри организации дело стало доходить, чуть ли не до потасовок. Особенно раздражало меньшевиков то обстоятельство, что резолюции на партсобраниях и в к-те стали проходить по большей части большевистские, а им ничего не оставалось делать, как исполнять эти резолюции.

Даже Совет Рабочих Депутатов начал им изменять все более и более.

Как то в июне большевики решили издать листовку от своей фракции по вопросу о наступлении на фронтах. Листовка эта должна была выйти в связи с решением всех почти Советов (в том числе и Влад. Совета Солд. Депутатов) о продолжении войны и о немедленном наступлении на фронтах: листовка шла под лозунгом „Мир хижинам, война дворцам". Почему то листовка не была передана Кирову (он был редактором газеты „Терек"), а передана в обл. типографию, где печатниками особенно занимались с.-р. (единственный союз, где они были сильны). Печатники, под влиянием редактора Гортинского—с.-р., отказались печатать листовку и листовка попала в Совет Раб. Деп. Кто-то из с.-р., размахивая этой листовкой, громил большевиков и предлагал вынести благодарность печатникам за „охрану революции". Все же ему пришлось прочитать по требованию Совета листовку. Большевики благодарили с.-р. за агитацию и поставили вопрос о

том, кто дал право с.-р. быть контролерами над другими партиями. Это подействовало и Сов. Раб. Деп. встал на нашу сторону. Листовку, правда, пришлось печатать через Кирова, но все же мы были удовлетворены.

ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

После июльских дней, примерно к августу месяцу, в области стало сравнительно спокойнее. И хотя это было затишье перед бурей, большевики воспользовались этим затишьем.

Благодаря исключительному авторитету среди рабочих части большевиков, удалось провести т. Орахелашвили председателем Исполкома, кроме того в Исполкоме стало большинство большевиков.

По вопросу о выборах в Учредительные собрание мы разошлись окончательно с меньшевиками в ноябре месяце 1917 г. На партсобрании был поставлен, хотя несколько и примитивно, вопрос, но зато прямо: кто считает себя большевиком. И несмотря на обструкцию, устроенную меньшевиками, во главе с Симоном Такоевым, на стороне большевиков были все рабочие, за малым исключением. У меньшевиков осталось несколько рабочих и группа активных подпольщиков в Комитете 20—25 человек. Большевиков же оказалось при перерегистрации около 500 человек.

К этому времени большевики выработали из молодых партийцев достаточный кадр практических работников.

Раскаты Октябрьской революции доходили до Владикавказа глухо. Тов. Киров уехал на с'езд Советов и вся организация с трепетом ждала от него известий, но вестей не было. Представителя Совета Раб. Депутатов (Литвинова), член Гражданского Комитета есаул Медяник грубо выгнал с телеграфа (тов. Литвинов был политконтролем на телеграфе).

Большевики не могли ничего узнать, что творилось в Петрограде, так как т. Литвинов, через которого можно было узнать, на телеграфе не был.

С.-р. и меньшевики шипели еще сильнее и только по этому шипенью большевики догадывались о великих событиях.

Все же 25-го октября в Совете было созвано экстренное заседание Советов Раб. и Солд. депутатов совместно со всеми социал. партиями и профсоюзами, для обсуждения создавшегося положения в связи с выступлением в Петрограде большевиков.

Председателем собрания был избран Мамулов (с.-р.), а большевик Орахелащвили попал только в президиум.

Мамулов заявил, что было выступление большевиков, что выступление ликвидировано, но в чьих руках власть—выяснить по телеграфу не удалось. Зав. телеграфом с.-р. Попов доложл, что получены на телеграфе известия от министра почт и телеграфа о том, что Петроград в руках большевиков и что министр призывает к организации против большевиков. Заканчивая свое сообщение, Попов заявил, что служащие почты и телеграфа и теперь и в дальнейшем

будут бороться против „раз'едающих революцию элементов"—Воззвание большевиков мы задержали и не выпустили.

Не успел он еще закончить свои слова, как поднялся шум, крики: „Долой его".

Страстные прения шли с 11 час. утра до 2 час. и с 7 вечера до поздней ночи. В результате была принята большевистская резолюция:*)

„Заслушав тревожные известия о восстании в Петрограде к завоеванию власти революционной демократией и обсудив на основании этих коротких односторонних сообщений положение, в которое может стать Россия при развитии решительной борьбы за власть, политическое заседание всех революц.-политич. и проф. организаций г. Владикавказа считает, что вся политика Временного Правительства была направлена до сих пор во вред интересам народно-хозяйственной жизни народа, отчаявшегося, не имеющего уверенности даже в созыве Учредительного собрания, против которого контр-революционная буржуазия ведет явный поход.

Ввиду этого, собрание считает, что восстание пролетарских, солдатских и крестьянских масс назрело и зреет, как ответ организовавшейся контр-революции и поэтому, не имея точной картины происходящего в Петрограде, собрание шлет свой привет поднявшим знамя восстания за попираемые права революционной России.

С вами сочувствие владикавказской революционной демократии, которая должна принять немедленно действительные меры против возможных контр-революционных выступлений на местах".

После принятия этой резолюции через два дня, фракция с.-р. в Совете отозвала своих депутатов из Исполкома, мотивируя это тем, что быть в руководящем органе такого Совета, где проходит линия, против которой они категорически протестуют—не место с.-р.

Большевики проводили их довольно весело. Но 31 октября общее собрание с.-р. организации вынесло резолюцию за вхождение своих членов в Исполком на том основании, что контр-революция ведет определенный поход против завоеваний революции.

Атмосфера в Терской области накалялась все больше и больше. И вдруг весть „Власть в руках Советов!".

Терская область бурлила и кипела. Приехавший Киров информировал большевиков о положении дел в Петрограде, и о настроении по пути. Казачьи станицы спешно вооружались. Офицерство шныряло везде. Был выставлен список в Учредительное собрание от казачьего войска. Естественно, что почти все казаки поголовно стали за этот список, хотя в нем были все реакционные элементы Терского казачества.

Шла бешеная национальная травля и то тут, то там снова вспыхивали стычки ингушей с казаками, или осетин с ингушами.

Реакцией использовался каждый удобный момент и случай для провокации.

---

*) Резолюция напечатана в газете „Терский Вестник" № 145 от 23/X 1917 г.

В конце 1917 года атмосфера накалилась до того, что стало трудно дышать. Единственным отрадным явлением было—организация осетинской партии „Кермен". Программа ее была большевистская с изменением в религиозной части.

Название „Кермен" было понятно осетинскому крестьянству и уже осенью 1917 г. Осетия покрылась сетью организации „Кермен" и боевых отрядов керменистов. Отряды почти исключительно были организованы из молодежи. Во главе организации Кермен и ее отрядов стояли большевики-осетины: Георгий Цаголов, Кесаев, Гибизов, погибшие в гражданскую войну. В 1918 г. отряды керменистов неустанно воевали за Советскую власть. Пропаганда большевистских идей начала проникать в толщу крестьянских масс. Но в общем положение большевиков было печальное. На областном с'езде Народов Терской Области небольшой группе большевиков приходилось блокироваться с соц.-дем. и с.-р., так как большинство с'езда представляло из себя темную массу казачества и горцев, идущих за своими атаманами и генералами, самой монархической окраски.

Во Владикавказе скопилось столько офицерства, сколько никогда его не было в этом военном городе. Начались грабежи, налеты на город. Среди обывателей царила паника. А Дума заседала и заседала.

Разливался соловьем знаменитый с.-р. Семенов И. М. Кадеты пели дифирамбы офицерству, а меньшевики кокетничали, то с кадетами, то с большевиками.

Молодые отряды керменистов находились в Осетии и появляться в городе им было небезопасно, так как офицерство было вооружено до зубов. Да и вмешательство одной национальности могло повлечь к национальной войне, которую большевики всеми силами предотвращали.

Городской Совет, все еще не взявший власти в свои руки, приобретал все больший авторитет и популярность среди трудящихся. В городе было фактически двоевластие, никто из рабочих и жителей окраин не признавал Гор. Думу за власть. Все шли в Совет. Областной же Гражданский Комитет никакой власти из себя не представлял. Получалось какое-то „Двухклассовое государство". В конце 1917 года образовалось так наз. Терско-Дагестанское правительство, но его не признавали ни кадетская Дума, ни, тем паче, Совет.

Офицерство неоднократно вносило в Гор. Думу запрос—о недопустимости такого положения, когда Совет распоряжается и считает себя властью. Но окончательно растерявшаяся кадетская часть Думы ничего путного не могла им ответить. Состав этой Думы был таков: 30—к.-д., 30—большевиков, 10 чел. представляли из себя несколько разных партий: с.-р., с.-д.(м.), дашнаки, грузинские федералисты и др.; эта часть и решала всегда вопросы.

Видя, что от Думы толку не добиться, офицерство решило действовать самостоятельно и решительно, и в ночь под 31-е декабря 1917 г. Совет был разгромлен. Шло заседание Совета, когда офицерская банда ворвалась в помещение. Президиум был арестован, а всех остальных по одиночке выпустили на улицу, предварительно отобрав

револьверы, часы и деньги. В этом-же здании находился Партийный Комитет. Рассвирепевшие золотопогонники уничтожили все бумаги, порвали знамена. На улице были расклеены плакаты: „Смерть большевикам“ и отдельно „Смерть большевику Орахелашвили“ (председатель Совета).

Членов Президиума Совета ждала мучительная смерть. Большевики-осетины бросились к своим керменистам и в ту же ночь их отряд освободил всех товарищей. Оставаться им во Владикавказе нельзя было и их спешно выпроводили из города.

СНОВА В ПОДПОЛЬИ.

Наступили жуткие дни, партия ушла в подполье. Офицеры лихо гарцевали по городу. За предложение большевистской фракции в Думе—протестовать против разгрома Совета—поднялись руки только большевиков.

Так начался 1918 год.

Страшный был этот год. Сколько жертв, сколько молодых, сильных и стойких борцов вырвано из рядов в этот год.

В К-те остались Полякова, Маркус и Никитин Иван, последние оба погибли от рук белой банды.

На опасения некоторых товарищей, что нас могут убить, махнули рукой и т. Маркус выступал в Думе с протестами по ряду вопросов от имени фракции, значительно поредевшей. Общие собрания проводились нелегально—с паролями, со всеми предосторожностями на Электростанции.

В Моздоке шел Народный с'езд Терской области; во что выльется этот с'езд, никто не знал. Ждали с тревогой, зная, что большевики там в меньшинстве, что там сильно представлены контр-революционные элементы.

Город как то притаился, затих. Атмосфера была накалена до чрезвычайности.

Военные внесли в Гор. Думу проект охраны города и потребовали солидную плату—об'явление города на военном положении и военной диктатуры.

Большевистская фракция протестовала изо всех сил. Над таким предложением задумались даже с.-р. и этот вопрос откладывался, переходя из одной комиссии в другую.

В первых же числах января, как в ответ на медлительность Думы, в городе вспыхнули грабежи. Убедившись в невозможнности легко добиться диктатуры, крупное офицерство постаралось спровоцировать ингушей и те хлынули в город.

По городу шла такая стрельба, что иногда по целым дням нельзя было выйти на улицу, нельзя было узнать, живы ли еще члены Комитета.

Задачей большевиков было: прекратить грабежи и установить власть в городе.

Вооружённые слободки организовали самооборону. Город превратился в военный лагерь: везде насыпи, проволочные заграждения, мешки с песком. Все обыватели примкнули к рабочим и слободки быстро перешли на военное положение. На окраинах был порядок. Центр выставил тоже охрану—офицерство.

К концу января грабежи прекратились. Город продолжал быть военным лагерем.

За Курскую и Молоканскую слободки большевики были спокойны, там во главе самообороны были рабочие. По остальным же были и офицеры и темный элемент, получивший оружие.

В начале марта месяца во Владикавказ приехал 1-й С'езд Народов Терской области. Хозяина области встретили все слободки. Были случаи, как на Молоканской слободке,—люди обнимались и поздравляли друг друга.

Большевики созвали общее собрание парторганизации. Шла перерегистрация.

Быстро, в одну неделю, выбрали Совет. Настроение было бодрое, оживленное.

2-й С'езд об'явил в области Сов. власть и установил Терскую Республику.

Е. Полякова.

ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ СОВДЕП

В МАРТЕ—АВГУСТЕ 1918 года.

Владикавказский Совдеп, после перерыва в работе, со времени разгона С. Р. Д. первого созыва офицерскими бандами, начал свою работу 21-го марта 1918 года.

Совдеп был созван организационным бюро. Докладчиком от бюро выступил член партии с.-д. большевиков т. Чхубиани, впоследствии председатель исполнительного комитета Совдепа. Выборы президиума первого заседания и затем временного президиума—имели случайный характер. В президиум были избраны т.т. Даниляк (с.-р.), Минц и Повсянко (с.-д. меньш.), Проскуряков (беспартийный) и т. Пионстка (с.-д. большевик).

Большая часть членов Совета-большевиков после разгрома Совета раз'ехались, благодаря чему в мандатную комиссию попали сильные представители партии с.-р.: Семенов, с.-д. меньш. Дзедзиев, а от большевиков только т.т. Сычев и Волченко (протокол 21-го марта).

Совет начал свою работу при чрезвычайно тяжелых условиях. В это время в гор. Владикавказе имело место „двоевластие". Так на ряду с Советом существовало Городское самоуправление.

Работа партии большевиков в этих случаях, несмотря на крайне непродолжительный период времени, заслуживает быть особо отмеченной, именно как работа по организации власти, под лозунгом: „Вся власть Советам".

Выступая против организации Советской власти, меньшевики и с.-р. были не прочь для подкрепления своих положений дискредитировать представителей рабочих в Совете. Так, имея в своем составе сильных работников, как с.-р. Семенов и Мамулов и меньшевики—Минц и Корнев,—они выдвигали на пост председателя Совдепа совершенно неподготовленного и бесцветного рабочего Алагирского завода—Иванова.

Большевики же, проводя линию использования для технической работы специалистов, находили необходимым для руководства работой поставить сильных и видных партийных работников; так на пост председателя Совдепа ими был выдвинут т. Киров, в то время отсутствовавший. Согласившись на условии, что при отказе т. Кирова от этой обязанности, председателем С. Р. Д. будет кандидат коалиции Иванов,—большевики, видя невозможность приезда т. Кирова, провели председателем С. Р. Д. прибывшего из Грузии, сильного работника т. Камалова (протокол 24-го апреля).

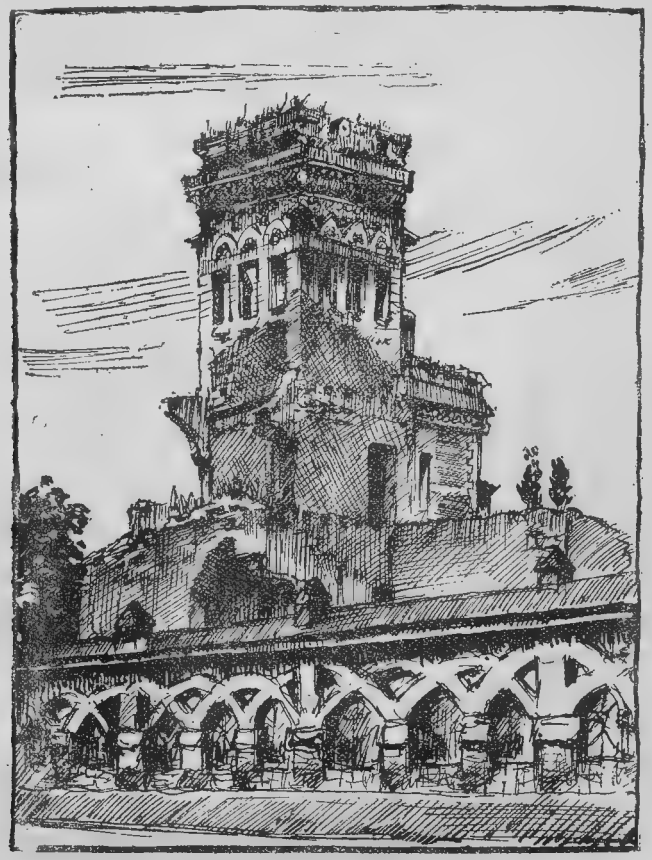
КАМАЛОВ
Первый председатель Совдепа во Владикавказе, убит белыми в 1918 г.

Президиум Совдепа сконструировался в следующем составе: председатель тов. Камалов (с.-д.(б.), члены от с.-д.(б.) вначале—Соколов, а затем т. Литвинов: от с.-р.—Серебреников, от меньшевиков—Минц и секретарем Проскуряков (беспартийный).

Через месяц работы, фракция большевиков имела численный перевес над фракциями коалиции, поэтому при конструкции Исполнительного Комитета фракции большевиков было отведено 9 мест, а фракциям с.-р. и меньшевиков по 6 мест. От большевиков прошли т.т. Наумов, Ващенко, Чхубиани, Плетнев, Сидоров, Камалов, Сайор, Афанасьев, Пионстка: от меньшевиков: Шейко, Дзедзиев, Шмиргельд, Казбек, Повсянко и Акулов; от с.-р.: Семенов, Рябокожушный, Даниляк Перлштейн, Факов и Бобчинский.

Хотя фракция большевиков имела перевес, но при голосованиях против них выступала коалиция обеих фракций, поддерживаемая к тому же и беспартийными. Вот почему проведя усиление своего состава, путем утверждения мандата партии „Кермен", большевики не смогли противодействовать утверждению мандатов партий „Дашнакцутюн" и украинских с.-р. То же имело место и при проведении нескольких резолюций принципиального характера (к сожалению, утраченных) и только 24-го апреля 1918 г., большевикам, хотя и большинством всего одного голоса, наконец, удалось провести свою основную мысль „о власти Советам" в резолюции по докладу „О положении в Грузии", принятой после бурных дебатов.

Выше уже было отмечено, что Владикавказский Совдеп вел свою работу в предвидении ряда случайностей, самый характер которых исключал возможность планомерной работы. И только твер-



Здание, где помещался первый Совет депутатов, разрушенное в 1919 году

дое руководство большевистской фракции направляло политику Совета в правильное русло. Работа Совета протекала в особо тревожных условиях. Отовсюду шли вести о восстании, о столкновениях и пр.

Так, на заседании 11-го апреля, т. Сидоровым—чл. Совдепа, было сделано секретное сообщение о положении на группах Кавказских Минеральных Вод. Дальше, в заседании 23-го апреля было сообщение Дзедзиева—о столкновении красноармейцев с жителями селения Гизель, во время которого было убито—9 красноармейцев и затем, в том же заседании оглашена телеграмма т. Мацилевского о взятии германо-украинскими войсками Ростова н-Д. и продвижении этих войск на Кубань, с призывом т. Мацилевского готовиться к выступлению. Надо отметить, что на это заседание, очевидно, ввиду тревожного положения в городе, из 172 депутатов явилось всего лишь 38.

Но и при таких условиях, благодаря твердой линии, взятой партией, Совдеп, возникший на обломках первого созыва, как бы явочным порядком, при наличии Городского Самоуправления, начинает приобретать авторитет власти. Одним из ярких доказательств чего является выступление в С. Р. Д. 24-го апреля с докладом о состоянии промышленности в области ответственного представителя партии с.-р. Бутягина. В этом же заседании было принято решение о реорганизации продовольственного дела, из'яв его из рук Городского Самоуправления.

В заседании 30-го апреля обсуждался доклад Мамулова о положении в Закавказьи и содоклад, прибывшего из Грузии с.-д.(б) тов. Кавтарадзе. После длительных и бурных прений была принята резолюция большевиков.

Острота положения на Северном Кавказе не помешала все же большевикам вести настойчиво свою организационную работу. На заседании 9-го мая организованы секции Исполкома, проведены выборы ряда ответственных представителей Совдепа в учреждения и предприятия города, организована Примирительная Камера и Отдел Труда, и принято решение о реорганизации Владикавказского Совдепа из городского в окружный.

На этом-же заседании был заслушан доклад бывшего члена Московского Совета левого с.-р. т. Соколова—о положении в России. Из заданных докладчику вопросов легко убедиться в полной неосведомленности членов Совдепа об общем положении в центре. Северный Кавказ был отрезан от центра бесчисленными фронтами и связь с Москвой была прервана.

В. Проскуров.

КАК СТРОИЛИСЬ ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ.

До Февральской революции профсоюзов во Владикавказе фактически не было. В 1906 году зародился было первый союз (печатников), но жить ему пришлось нелегально. На третьем месяце своего существования он закрылся.

До Февральской революции пробовал было развернуть работу союз приказчиков, на которой царские держиморды смотрели, как на

безобидное учреждение, но дальше небольших экономических требо ваний союз этот, вернее не союз, а общество, не пошел.

С Февральской революции профессиональное движение во Владикавказе начинает проявлять признаки жизни.

В марте 1917 года, в помещении Терского Союза учреждений мелкого кредита, состоялось специальное заседание Совета Рабочих Депутатов по вопросу организации труда: профессиональные союзы, биржи труда, примирительная камера, рабочие с'езды.

Уже к этому времени стали об'единяться в союзы педагоги, огородники и т. д. Об'единения эти носили чуть ли не благотворительный характер и ничего общего с профсоюзами не имели. Так, союз педагогов основной задачей своей ставил участие в обществе народных чтений, труд в лазаретах, кружки самообразования, обучение неграмотного населения, помощь неуспевающим ученикам младших классов, экскурсии, ручной труд и т. д., и т. д.

Наибольшую устойчивость проявил Терский медицинский союз. Союз этот немедленно выразил согласие поддержать Временное Правительство, делегировать представителей в Совет Рабочих Депутатов, реорганизовать врачебное отделение Терского Областного Правления, участвовать в разработке проекта врачебно-санитарного законодательства в России, выработать предварительно мероприятия для оздоровления населения в Терской области.

К Терскому медицинскому союзу примкнули фельдшера. Они выпустили огромное воззвание, весьма возвышенное и патетическое, в котором говорилось, что....„с нами бог и лучшие представители народа, которые, не щадя своей жизни, готовы принести на алтарь светлого будущего все самое дорогое".

Воззвание приглашало в заключение всех фельдшеров об'единиться для профессиональной работы, послать из своей среды выборных „в родной нам по труду" Совет Рабочих Депутатов и откликнуться на призыв „почетного гражданина доктора Полякова и войти в союз Терского Медицинского Общества".

За медицинскими работниками последовали писаря правительственных учреждений. За писарями—служащие учреждений, организовавшие союз конторских и канцелярских служащих. Последние в программе своего союза начертали следующее:

1. Содействие путем прочной организации проведению в жизнь начала народовластия, введением для этого своих выборных представителей, как в состав учреждений, так и в общественные организации.

2. Изменение внутреннего распорядка учреждений, в смысле упрощения и ускорения делопроизводства.

3. Добиться охраны труда духовных и физических сил своих членов и организованными выступлениями способствовать улучшению их материального быта.

4. Создание союзного денежного фонда, касс взаимопомощи и проч.

5. Создание примирительных камер из представителей служащих и администрации для урегулирования взаимоотношений между ними.

В марте организовался и союз техников. На организационном совещании техников, дирижируемом местными кадетами (партия народной свободы), решено было воздержаться от посылки представителей техников в Совет Рабочих Депутатов, хотя меньшинство настаивало на том основании, что „технические профессии, по своему существу, более всего подходят к трудовой организации, составляя ее прогрессивный фермент".

Производственные союзы нарождались весьма медленно. В середине марта 1917 года были созваны массовые рабочие собрания на Алагирском заводе и железнодорожных мастерских. На этих собраниях были поставлены вопросы об организации профсоюзов. Организатор Совета Рабочих Депутатов—металлист Передков (большевик) был и организатором союза металлистов. В союзе домашней и ресторанной прислуги работали Применко, Кикодзе, швейников организовал покойный Мамулянц (меньшевик).

С пополнением партийной организации приехавшими работниками, были организованы профессиональные союзы: строителей, печатников, хлебопеков. В центральное Бюро профессиональных союзов вошли Лысянный (от печатников), Харламов (от строителей), М. И. Орахелашвили, работавшая в союзе учителей, вместе с покойным Маркусом, Передковым и другими.

Фракции Об'единенного Комитета РСДРП усиленно старались завербовать профсоюзы. Эсеры распространяли свое влияние на союз почт. и тел. служащих, где работал Попов (с.-р.) и Гортинский (редактор „Терека" (с.-р) настолько влияли на союз печатников, что в июльские дни этот союз отказался печатать прокламацию большевиков. Остальные профсоюзы к сентябрю, примерно, уже все шли за большевиками.

И все же печальную картину представляли владикавказские профсоюзы в период Февральской революции. Большинством профсоюзов руководили меньшевики. Зачастую им удавалось проводить свои резолюции.

В первую голову профсоюзы повели борьбу за улучшение материального положения их членов, за повышение заработной платы, за введение 8-мичасового рабочего дня.

К стачкам профсоюзы прибегали в редких случаях. За период апрель—июль 1917 года были проведены две забастовки. Комитет РСДРП выделил для руководства забастовкой союзов домашней и ресторанной прислуги и швейников тройку: Применко, Мамулянца и Полякову. Забастовка швейников прошла очень хорошо. Рабочие добились удовлетворения всех своих требований. Штрейкбрехеров почти не было. Больше того, некоторые кустари одиночки помогали профсоюзу, бойкотируя ряд мастерских. Забастовка же ресторанной прислуги была за небольшим исключением сорвана, главным образом, из-за штрейкбрехерства.

* * *

Железный поток Октябрьской революции докатился до Владикавказа. Союзная работа в 1918 году во Владикавказе развернулась

во всю ширь. Оздоровление профсоюзов, чистка профсоюзных рядов под руководством партии большевиков—дало результаты. Владикавказские профсоюзы стали превращаться в классовые революционные организации.

Во главе Областного об'единения профсоюзов стоял сильный работник и большевик—покойный т. Моторин.

Взамен безобидных лозунгов, проходивших мимо ушей предпринимателей, профсоюзы берут курс на четко классовую борьбу.

Первыми застрельщиками были, как всегда—металлисты.

„Мы, металлисты гор. Владикавказа, при существующей свободе, тоже (как и все рабочие Владикавказа Л. Ш.) в течении целого года находимся в безжизненном состоянии. Над нами в городе в недавние дни уже опять царила черная рука издыхающего деспотизма и мы оставались лишь безмолвными зрителями того, что делала отживающая реакция, спасающаяся по тайным окраинам от вышедшего из терпения, революционного, протершего глаза и уши рабочего и крестьянина.

Мы, не разбирая нашего старого профессионального союза, его грехов, оплошности его руководителей, призываем Вас, на обломках старого союза, построить новый, сплотить вокруг него тесным кольцом семью металлистов и поддержать власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которая является истинной выразительницей воли трудящихся и действительной властью трудовых масс".

Вот к чему призывала в апреле 1918 года, комиссия по организации профессиональных союзов металлистов. Призыв этот нашел отклик среди металлистов и союз стал одним из преданных революции.

Зато и белогвардейцы расправились в августовские дни прежде всего с металлистами. Из их рядов были вырваны лучшие силы. Первый председатель Владикавказского Совета Профсоюзов т. Огнев был зверски убит. Также расправились они и с т. Никитиным Иваном—старым профсоюзным работником—металлистом и старым большевиком. Оба герои на работе и погибли, защищая рабочие организации, защищая Советскую власть.

Советская власть во Владикавказе имела надежную опору в лице профсоюзов. Национализация промышленности, борьба с безработицей, хозяйственное строительство—находили среди профсоюзов достаточную поддержку.

Владикавказские профсоюзы проводят работу по вовлечению масс, через фабрично-заводские комитеты в регулирующие и контролирующие органы.

На соединенном заседании Правлений профессиональных союзов, заводских и рабочих комитетов в июле 1918 года, на котором присутствовало 13 союзов, были приняты положения о реорганизации Отдела Труда. Отдел Труда, по новому положению, должен был быть утвержден Советом Рабочих Депутатов и Советом Народных Комиссаров.

При Отделе Труда была учреждена коллегия из 10 товарищей избираемая на об'единенном заседании правлений профессиональных

союзов, заводских и рабочих комитетов. В свою очередь коллегия выделила специальную контрольную комиссию, которая постоянно работала при Отделе Труда и промышленности, проводя в жизнь все директивы и распоряжения центральной власти. Биржа Труда перешла в ведение Совета Рабочих Депутатов, при чем она должна была производить посылку безработных на работу в полном контакте с профессиональными союзами.

Таким образом, правильное распределение рабочей силы получило разрешение при Советской власти. До Октябрьской революции Биржи Труда были мало значущими привесками: и набор и отправку рабочей силы производили без их участия.

В 1918 году профсоюзы совместно с окраинами отбивали город от деникинских банд в течении 12 дней.

Не мало страниц кровью вписали Владикавказские профсоюзы в историю революционного движения во Владикавказе. Шкуро камня на камне не оставил от профсоюзов; все помещения были разгромлены казаками. Ряд видных профессиональных работников был казнен.

Несмотря на попытки создать при Шкуро подпольные профсоюзы, это ни к чему не привело. Контр-разведка зорко следила за каждым шагом рабочих и подвергала рабочие начинания разгрому в самом зародыше.

Даже такая сильная организация, как союз железнодорожников, не смогла сохранить целиком свою профессиональную организацию.

В марте 1920 года, после изгнания белых, во Владикавказе снова восстанавливаются профсоюзы. Одним из первых был организован союз швейников. Хозяйничание Шкуро повело к тому, что хозяйство города было совершенно разрушено, предприятия пришли в негодность.

Вся Советская страна находилась в то время во вражеском кольце. По призыву партии, рабочие—члены профсоюзов—были вовлечены в ряды Красной армии. Когда во Владикавказе была произведена 10%-ная мобилизация на фронт, все профсоюзы выделили лучших товарищей, немедленно взявших винтовки.

Внутри профсоюзов, несмотря на напряженное положение на фронтах, голод и нищету, шла упорная восстановительная работа.

Пролетаризация профсоюзов, очищение их рядов от случайных чуждых элементов в 1920 году дало живо себя почувствовать.

В последних месяцах 1920 года во Владикавказе начали созываться областные Терские с'езды профсоюзов. В августе происходил первый в Терской области областной с'езд работников народной связи. На с'езде присутствовало до 50 делегатов из самых глухих углов Терской области.

Недостатки внутрисоюзной работы привлекли к себе главное внимание делегатов с'езда. Недостатки эти были общи всем союзам. Внутри профсоюзов нередко можно было наткнуться на чиновников, внесших в союзы своей „дух". С'езд работников связи призывал изгнать таких чиновников из рядов союза.

С'езд работников связи собрался в разгар войны с панской Польшей. Тов. Этингофф, приветствовавший с'езд от областного партийного Бюро, обратил внимание работников связи на чрезвычайно важные задачи, выпавшие на этот союз во время войны с Польшей. С'езд этот повел к тому, что среди работников связи дисциплина и бдительность удвоились.

***

Всеобщая трудовая повинность в Терской области была введена в июле 1920 года. Вопрос о всеобщей трудовой повинности на первом областном с'езде профессиональных союзов, происходившем в августе 1920 года, подвергся горячему обсуждению, так как вопрос этот особенно волновал рабочих.

Первый областной с'езд союзов происходил в обстановке обострения гражданской войны. Это было время, когда Врангель прочно засел в Крыму и представлял опасность для всей революции. Хотя первый областной с'езд и происходил в боевой обстановке, но вопросы хозяйственные и культурные занимали на всем протяжении с'езда повышенное внимание делегатов.

Борьба с голодом была в центре внимания работы с'езда. И с'езд, для смягчения голода среди рабочих, принял решение, по которому столовые должны были немедленно взяться за отпуск дешевых обедов членам профсоюзов, с тем, чтобы разница между себестоимостью и продажной ценой покрывалась из средств продорганов, при этом обеды по этим ценам должны отпускаться только членам союзов и их семьям. Этот порядок и проведен был в жизнь. Продорганы должны были выдавать продукты питания прежде всего рабочим и членам профсоюзов и лишь по мере снабжения последних должны производить выдачи остальному населению.

Первый областной с'езд союзов дал мощный толчек всему профессиональному движению в Терской области, сблизив его органически с партией и Советской властью.

В октябре 1920 года во Владикавказе происходит пленум Совпрофа, рабкомов и завкомов. Эта конференция постановила „в целях полной победы над мировым империализмом, набросившимся на удушение рабоче-крестьянской революции" ввести в Терской области всеобщее военное обучение для всех членов профсоюзов.

Мало того, конференция постановила настаивать перед президиумом Совпрофа о немедленном проведении в жизнь воскресников и субботников, привлекая к работе всех рядовых и ответственных членов союзов.

Конференция занялась вопросами, направленными к улучшению рабочего быта. Было принято решение, тотчас же после конференции „немедленно, через соответствующие органы, начать планомерное организованное переселение рабочих и семей красноармейцев в квартиры буржуазии".

И, наконец, конференция предложила, „по примеру северных товарищей", оказать помощь венгерскому пролетариату, путем организа-

ции специального воскресника для венгерских товарищей, поднявших знамя советов.

В последующие годы владикавказские профсоюзы перешли к строительной мирной работе. Пришел НЭП. Соответственно ему перестраивались профсоюзы—становились „школой коммунизма".

Л. Шумский.

МОЗДОКСКИЙ С'ЕЗД.

ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ НА ТЕРЕКЕ.

Горско-казачья война принимала угрожающие для мирно-настроенного населения размеры. Необходимо было срочно принять меры или к прекращению ее или к превращению ее в всеобщую организованную войну. Терско-Дагестанское правительство предпочло последнее. С этой целью, по его указу, Моздокским „Военно-Революционным Комитетом" был созван 7-го февраля в Моздоке Областной Народный С'езд.

На Моздокский с'езд приехали также представители всех социалистических партий, которые очутились там в такой враждебной обстановке, что все существовавшие между ними разногласия временно отошли на задний план. В первый же день с'езда был поднят вопрос о создании социалистического блока.

Инициаторам этого блока были Ной Буачидзе, Киров, Фигатнер и др. Условия об'единения были следующие: меньшевики и эсеры отказываются от агитации в пользу разогнанного Учредительного собрания и создания каких либо группировок на этой почве.

Большевики же отказываются от агитации в пользу немедленного установления на Тереке Советской власти в том виде, в каком она уже существовала в России. На этих взаимных уступках об'единились революционные и мелко-буржуазные силы Терека для совместной борьбы с казачье-мещанской реакцией. Были и противники создания блока, особенно среди большевиков (Мамсуров).

Созвавшие с'езд ставили перед ним одну основную задачу: организовать и об'явить общую войну против Чечни и Ингушетии.

В воззвании, выпущенном Моздокским „Революционным Комитетом" об этом прямо и открыто говорилось. Из этой основной задачи вытекала вторая—об'единение казаков с иногородними. На с'езд были приглашены из горских народов лишь осетины, кабардинцы и балкарцы. Чеченцы и ингуши, против которых замышлялся этот с'езд, не были приглашены. Из присутствовавших представителей горцев, кабардинцы и балкарцы были представлены большей частью муллами.

Осетинская фракция держала себя пассивно и ничего определенного в отношении происходивших событий не высказывала, хотя это было чрезвычайно важно, так как ни на кого другого из горских народов, кроме осетин, карауловцы не надеялись и не могли ожидать помощи для борьбы с чеченцами и ингушами.

Социалистический блок (большевики, меньшевики, эсеры и кермеисты) стремился к тому, чтобы помешать замыслу карауловцев и не допустить войны и, кроме того, поставить вопрос о признании Советской власти. Многие представители казаков готовы были признать Советскую власть при двух условиях: если она окажет им помощь в войне с горцами и если не будет поднят земельный вопрос.

Часть казачества, особенно фронтовики, не хотевшие войны, готова была признать Советскую власть без всяких условий.

Как только с'езд был открыт, первыми попросили слова для внеочередного заявления члены моздокского „Революционного Комитета" полковник Рымарь и Пятирублев, которые сообщили, что „Моздокский революционный комитет" отдал распоряжение об общем наступлении на чеченцев и ингушей. С'езд должен немедленно присоединиться к этому акту. А если этот момент будет упущен, то события пойдут мимо с'езда. В случае же,если с'езд выскажется против, то вся ответственность за неудачи падет на него. Это заявление заставило социалистический блок с'езда потребовать немедленного перерыва для обсуждения создавшегося положения. В результате совещания, социалистический блок поставил вопрос о том, чтобы с'езд немедленно отменил распоряжение Моздокского Военного Комитета. Незначительным большинством предложение социалистического блока было принято.

После первого успеха, блок решил поставить на обсуждение с'езда земельный вопрос. В зависимости от отношения с'езда к земельному вопросу ясно было бы—стоит ли поднимать вопрос о признании Советской власти.

Усилиями кулацко-казачьих и офицерских представителей, которые готовы были рассматривать какие угодно вопросы, кроме земельного, этот вопрос не стал обсуждаться, но все же видно было, что значительная часть с'езда относится к идеям социалистического блока доброжелательно. За обсуждение земельного вопроса голосовало 155 представителей против 173.

Вопрос об отношении с'езда к Совету Народных Комиссаров был поставлен. Но встретив отрицательное отношение со стороны верхушек казачества, был снят с повестки. На следующий день этот вопрос опять был поставлен на обсуждение, но не самим блоком, а беспартийными делегатами. Левая часть большевиков, не желавшая вступить в блок с мелко-буржуазными партиями, занялась агитацией среди казачьих делегатов за признание Советской власти, в результате чего президиуму было подано заявление 132 делегатов о необходимости рассмотрения вопроса о власти. Казачье офицерство и кулачество подняло такую бурю, что решение вопроса о признании власти Совета Народных Комиссаров вновь пришлось отложить.

Но о политическом положении страны и области и о создании власти все-же была принята резолюция, которая гласит:

Обсудив вопрос в заседании 28-го января о текущем политическом моменте Терской Области, с'езд демократии находит, что создавшееся в Терской Области положение определенным образом угрожает революции и является весьма благоприятным моментом для сосредото-

чения контр-революционных сил, которые не упустят возможности начавшейся гражданской войны, сделают все к тому, чтобы углубить ее и расширить. Поэтому перед революционной демократией Терской Области стоит чрезвычайная задача организации всех революционных сил, могущих противостоять надвигающейся опасности и, главным образом, организация сельского населения без различия национальностей. Вместе с тем, безотлагательно необходимо, чтобы революционные органы, действующие в пределах Края, сошлись на мысли о том, что переживаемый революцией момент категорически диктует необходимость выявления на деле своего революционного поведения, об'единения всех элементов страны, борющихся за республику рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, ибо только в борьбе за эту Республику можно успешно побеждать контр-революцию, выступающую со всех сторон.

В ряде практических задач, диктуемых моментом, необходимо прежде всего создать орган власти, способный об'единить демократию Терской Области и явиться авторитетным в глазах масс населения, без различия сословий и национальностей. Такая власть может быть создана только на обще-областном с'езде рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, а также представителей народностей, населяющих Терский Край.

Новая власть должна поставить в плоскость практического разрешения все вопросы, выдвинутые революцией: земельный вопрос, правовой, рабочий, продовольственный, национальный, вопросы самоуправления и проч., и проявить самую широкую инициативу в деле организации населения области".

Эта резолюция фактически являлась актом признания Советской власти, тем более, что после нее была также принята декларация о разрешении национального, земельного и рабочего вопросов в духе постановлений центральных органов Советской власти. Создание областной власти не было окончательно решено. Его должен был разрешить с'езд, на котором присутствовали бы все народы. Социалистический блок поэтому заявил, что ввиду отсутствия на с'езде чеченцев и ингушей необходимо закрыть с'езд, а через две недели собрать другой, с представителями от всех народов.

При поддержке левой фракции казаков во главе с Даниловым, социалистический блок и горцы избрали Народный Совет, которому поручено было созвать новый с'езд 28-го февраля в Пятигорске.

Со станции Минеральные Воды, Народный Совет 15-го февраля разослал по области следующую телеграмму: „Происходивший в Моздоке с 25 января по 1 февраля (по старому стилю) обще-областной с'езд казаков, рабочих, солдат, крестьян, кабардинцев, осетин и балкарцев об'единил все трудовое население.

Для ликвидации начавшейся гражданской войны и спасения Края от разростающейся анархии, с'езд постановил создать об'единяющий все трудовые слои населения, без различия национальностей, Областной орган народной власти—Терский Народный Совет. В состав Совета вошли на пропорциональных началах представители всех наци-

ональностей. Чеченцам и ингушам, с которыми происходят кровавые столкновения, в Народном Совете предоставлено соответствующее количество мест. Войсковое правительство Терского казачьего войска сложило полномочия. С'ездом принята декларация, в которой изложена программа разрешения главнейших вопросов: земельного, национального, рабочего в духе программы с'езда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Над пробуждающимися народностями Терского Края загорается заря новой жизни. Об'единившись в одну семью, народности области шлют братский привет всей демократии России. Мы верим, что органы, выдвинутые революционной демократией, помогут стране, помогут народу изжить кошмарные дни и завершить дело мира и об'единения всех трудящихся.

Сбрасывая путы Юго-Восточного союза, созданного контр-революционными замыслами, народы Терской Области становятся в ряды революционного фронта России для защиты свободы и возрождения родины".

Хотя избранный Народный Совет получил только задание созвать второй с'езд, но как видно из этой телеграммы, он сам стал считать себя органом власти Терской области. Нужно было только оформить народившуюся Советскую власть Терека. Это было обеспечено, тем более, что к тому времени вполне выявилось отношение горцев к Октябрьской революции.

Постепенно на сторону большевиков стала склоняться часть осетин, благодаря сорганизовавшейся революционной партии „Кермен". На своем с'езде в Ардоне партия „Кермен" признала власть Советов Народных Комиссаров и постановила оказывать последнему помощь вооруженной силой. Чеченцы создали два национальных совета: Атагинский во главе с Шериповым, поддерживавший Советскую власть, и Алдынский, долго остававшийся нейтральным. Ингуши к этому времени тоже пошли за Сов. власть. Кабардинцы некоторое время оставались пассивными зрителями, потом пошли за большевизмом. Большинство населения Терской области было готово признать власть Советов. Терско-Дагестанское правительство теряло почву под собой. Заседавший одновременно с Моздокским с'ездом войсковой круг старался обострить отношения с горцами, пугая аграрной революцией.

„Триста лет существует Терское войско, оно потом и кровью отвоевало каждую пядь этой земли. Когда здесь были глухие дебри, непроходимые леса и безбрежные степи, не было охотников на землю, а теперь, когда жизнь стала под защитой казаков безопасна, земля стала плодородна, так и охотников на нее находится много. Нам, истинным сынам Терека и потомкам славных дедов и отцов, необходимо призадуматься, чтобы не разбросать зря доставшееся наследство".

Вот основная идея, которая преподносилась казачеству для того, чтобы заставить их воевать в угоду атаманов, и тем самым мешать им итти по пути революции. Но нашлись „изменники" казачьему делу и среди терских станиц и значительной части казачества надоела игра войскового правительства.

М. Ш.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ С'ЕЗД ТЕРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

ПЯТИГОРСК—ВЛАДИКАВКАЗ.

После первого пробного народного с'езда в Моздоке, выявившего совершенную беспочвенность формально существовавшей власти в лице Терско-Дагестанского Правительства, образовавшийся на этом с'езде социалистический блок в марте 1918 года приступает к созыву общеобластного с'езда Терских народов в Пятигорске.

Именем временного народного совета, председателем коего был избран большевик тов. Буачидзе, по городам, станицам и аулам рассылаются воззвания с призывом к миру и братству народов. Предлагается хотя бы временно прекратить междуусобную войну станиц и аулов до рассмотрения спорных вопросов на Пятигорском с'езде. Представительство на с'езде дается самое широкое каждой отдельной горской национальности, казакам, иногородним крестьянам, существующим Советам депутатов и всем политическим партиям. Эти воззвания, впервые ясно и правдиво осветившие земельные отношения Терской области и выдвинувшие новые принципы справедливого земельного передела, сразу же проникают в самые темные станицы и хутора, в самые глухие аулы в горных ущельях.

Настораживаются, как горцы, так и казаки. Шовинистические руководители обеих этих групп пытаются сорвать с'езд провокацией о том, что большевики хотят созвать лучших людей в Пятигорск и там всех перерезать, чтобы захватить власть в свои руки. Однако, эта провокация не имеет успеха. Тогда казачьи и горские верхи вдруг об'являют себя сторонниками „мира и братства народов".

Нужно, мол, ехать в Пятигорск на с'езд, да побольше числом, чтобы доказать всему народу, что ради желанного мира и братства нужно решительно осуществить старый лозунг: „За Терек и Сунжу казаков", „За заветы Шамиля", „В Турцию—азиатов", „За славу Терского казачества".

Пятигорский Народный Дом едва вмещает с'ехавшихся депутатов. Горцев представляют: балкарцы, карачаевцы, кабардинцы, осетины, два ногайца и один караногаец. С надеждой и нетерпением ждут еще прибытия ингушей и чеченцев: о каком же мире без них разговоры вести.

Казаки явились со всех округов и станиц.

Характерно, что, как горцы, так и казаки послали с каждой станицы, с каждого аула представителей своих верхов вместе с представителями самой обездоленной бедноты.

Горские батраки, в большинстве, впервые попавшие „в русский казачий город" чувствуют себя опасливо и неловко. Зато малейшее оказанное им внимание со стороны городских рабочих и крестьян изумляет их и приводит в восторг.

Трудовые казаки тоже неуверенно озираются по сторонам: интересно говорят „социалисты и большевики", но верх берет детская боязнь перед есаулами и казаками.

Образовываются фракции—каждой национальности и „иногородняя", которая состоит из горожан и крестьянства, обособляющегося от казаков. Для согласования общей линии работы, образовывается „социалистический блок" из коммунистов, левых эсеров, правых эсеров и с.-д. интернационалистов.

Основным пунктом программы с'езда была разработка новой конституции Терской области. Потом земельный вопрос Терской области с проведением социализации земли.

Ф. БУЛЛЕ
Активный участник революционного движения в 1918 году на Тереке.

Уже при выборах президиума с'езда и предварительных прениях по организации секций для разработки вопросов порядка дня, стало ясно, что руководящая роль принадлежит коммунистам—большевикам.

Несмотря на довольно организованный порядок, работа с'езда все же не клеилась: ждали прибытия ингушей и чеченцев. Казачья фракция уже предлагает считать ингушей и чеченцев отмежевавшимися от других народов и потому враждебных, как российской власти, так и народам Терека. Они, мол, против всякой власти и свободы, особенно против большевиков. Поэтому, давайте—дескать, заключим все союз мира, чтобы „оборониться" от ингушей и чеченцев...

Вдруг приезжают ингуши. Их около двух десятков—стройные, суровые, „дикие", вооруженные „до зубов"... При входе их в зал заседания с'езда, поднимается торжественная овация. Даже есаулы из приличия встают и аплодируют: все понимают, с какой опасностью для жизни им пришлось пробираться через кабардинские и казачьи селения.

На первом же приветственном выступлении ингушские делегаты заявляют, что приехали искать своих человеческих прав и требуют возврата их отцовских земель, захваченных царскими казаками...

Поднимается неистовый шум. Некоторые есаулы хватаются за кинжалы и демонстративно пытаются увести казачью фракцию со с'езда.

— Нет мира, не будет мира, пока живы ингуши! Война! Война!...

Усилиями иногородних вся масса передовых казаков и фронтовиков все-же удерживается на с'езде. Остаются и казачьи верхи. С'езд постановляет, что земельные претензии, как горцев, так и казаков должны быть заслушаны до выработки конституции Края. Открывается бесконечная серия жалоб горцев и казаков на захваты полей, убийства, поджоги, грабежи, угон скота и людей в горы.

Настроение заметно улучшается. Но для руководителей казачества становится очевидным, что вся масса горцев за большевиков, и большевики выступают в пользу горцев, как наиболее обездоленных.

Часть казачьих верхов раз'езжается по округам подготовить настроение в станицах, другая часть остается „для защиты прав свободолюбивого казачества".

Ждут еще приезда чеченцев. Но Чечня явиться на с'езд в казачий Пятигорск не решается. Еще не остыли разгромленные и преданные пламени сакли около Гудермеса и железной дороги, полнеба к северу пылает вулканами подожженных Грозненских нефтяных промыслов—ехать опасно. И голоса Эльдерханова и Шерипова, призывающих на с'езд, глухо теряются среди лязга оружия и воинственных причитаний Узун-Хаджи, Нажмуддина, Али-Митаева и нефтяного плутократа Чермоева.

Казаки пускают провокационный слух, что чеченцы поднялись на войну. Будто-бы несметные массы чеченцев хлынули с гор, вывезли орудия из горной крепости Ведено, и казачьи станицы всей Сунженской линии в огне.

Вдруг, в момент самой напряженной тревоги среди казаков, поднятой этими провокационными слухами, на с'езд прибывает первый делегат Чечни—Аслан-Бек Шерипов.

После тяжких мытарств и разных приключений, он пробрался сюда с мандатами чеченской бедноты разных аулов. В громовой речи, сильной и убедительной этот природный трибун заявляет:

— Чеченский народ требует земли и равноправия для всех трудящихся. Чечня знает, что для этого нужно отнять земельные богатства, права и привилегии, как у казачьих атаманов, так и чеченских и прочих мулл и хаджей. Это способна осуществить только Советская власть. Да здравствует Советская власть и партия большевиков!

Шерипов заверяет казаков, что слухи о нападении на Сунжу являются провокационными и предлагает себя в заложники казакам в подтверждение своих слов.

Казаки успокаиваются, но требуют перерыва для экстренного совещания.

Через неколько минут бюро казачьей фракции выступает с декларацией, раскрывающей все их карты:

„Испокон веков мы, терские казаки, боролись за культуру и свободу, имели свою казачью вольницу и бывали в опале у царей. Горцам мы всегда предлагали жить в братстве с нами, или же, как магометанам, переселиться из ущелий гор в Азию или Турцию для самоопределения среди своих мусульман. На с'езде мы все время голосовали за большевиков. Мы всей фракцией об'являем себя большевиками и стоящими за большевистскую программу. Если горцы будут еще теперь против нас, казаков, то они выступят, как враги большевиков и всех российских народов, признающих власть большевиков и должны быть укрощены обще-государственными мерами... Мы требуем об'явления на Тереке Советской власти"...

Встревоженные заявлениями казаков, горцы тоже начинают целыми фракциями заявлять о своем большевизме.

Фракция коммунистов же, поблагодарив за выраженные ее принципам симпатии, все-же посоветовала сначала хорошенько во всем разобраться и провести в жизнь лозунг большевиков „мир и братство народов", а затем уже об'явить себя большевиками.

Вместе с декларацией казаков на с'езде, как бы в подтверждение, тут-же со всех сторон собирались конные и пешие делегации из станиц. Все они заявлялись большевиками, пред'являли приговоры станиц о провозглашении Советской власти и просили оружия и снарядов.

— Горцы обижают, житья не дают. Надо их, нехристей, образумить...

Вместе с тем горские делегации на с'езде заявляют, что они требуют полного разоружения, как станиц, так и аулов и сдачи всего вооружения Народному Совету...

Это окончательно разочаровывает казаков и в дальнейшем они ведут свою провокационную работу в полной согласованности с эсерами и по их политическим директивам (По позднейшим сведениям, уже на Пятигорском с'езде между руководителями эсеров—Мамуловым, Орловым и проч. и атаманами казачьих линий был разработан план общего восстания казаков „с эсеровскими русскими массами" для изгнания из области большевиков и горцев, опираясь на Бичерахова).

Социалистический блок фактически распадается. Правые эсеры и меньшевики начинают выступать резко оппозиционно против коммунистов; левые эсеры и интернационалисты плетутся за коммунистами, „внося поправки". Но уже определенно ясно, что „за этими партиями ничего и никого нет". В дальнейшем „социалистические вожди" на на Тереке, в поисках „базы" поступают на платную предательскую службу у контр-революционных атаманов.

В такой обстановке проходит обсуждение и разработка основ Терской конституции, социализации земли и выборы в Терский Областной Народный Совет.

Так называемое Терско-Дагестанское правительство, обеспокоенное слухами о Пятигорском с'езде, за время с'езда прислало пять „ультиматумов" с требованием немедленно раз'ехаться. В ответ на эти ультиматумы президиум с'езда предложил „правительству" убраться, пока не поздно. Когда же поступили от владикавказских рабочих сведения, что там идет спешная организация новых офицерских сотен, с'езд постановил немедленно в полном составе переехать во Владикавказ.

Тем временем оставшиеся члены Терско-Дагестанского правительства (более благоразумные давно уже ушли из „правительства" и, опасаясь народного возмездия, убежали в Баку и Грузию) пропивали остатки терско-казачьей казны. Левая часть городской Думы прислала на Пятигорский с'езд прошение—прибыть туда для организации власти.

Полагали, что „правительство" попытается оказывать какое нибудь сопротивление в'езду Народного с'езда в столицу. У с'езда же не было никакой вооруженной силы. Но так как все делегаты были вооружены, порешили, что никакой охраны им не надо. Наскоро соста-

вили поезд и двинулись в путь. Ночью прибыли во Владикавказ. Население „столицы", кем то предупрежденное о приезде „большевиков", попряталось за запертыми ставнями, только железнодорожные рабочие и бывшие фронтовики Курской и Молоканской слободок несли патрульную службу по окраинам города. Город весь был погружен во тьму.

Как только делегаты высадились из вагона, около станции грянул залп из винтовок. Пули прожжужали поверх голов делегатов. Кто-то выстрелил в воздух в ответ и все стихло. Оказалось, что группа пьяных офицеров пыталась испугать делегатов, но, заметив рабочий патруль, убежала.

Когда делегаты проезжали по Александровскому проспекту в вызванных Думою трамваях с потушенными огнями, по ним были выброшены еще ручные гранаты, не причинившие вреда.

С'езд благополучно пробрался через город и расположился в Кадетском корпусе, выставив охрану из делегатов.

В ту же ночь по всему городу были расклеены об'явления, что Терско-Дагестанское правительство об'является изгнанным и власть переходит в руки Народного Совета, избранного с'ездом народов всей области.

На другой день утром, с'езд постановил разогнать Терско-Дагестанское правительство, если оно еще окажется в городе, вооруженной силой делегатов арестовав неподчиняющихся. Мне выпала честь отправиться от имени Народного Совета в Терско-Дагестанское правительство, разогнать его и опечатать помещение.

Вдвоем с т. Фролковым,—делегатом фронтовиков,—мы заявились в штаб „грозного правительства". Несколько неопохмелившихся офицеров и чиновников нас встретили растерянно и суетливо. Когда я об'явил им приказ Народного Совета, кто-то из служащих попросил уплатить служащим жалование за два месяца неоплаченной работы.

Когда они узнали, что я большевик и что во главе Народного Совета тоже большевики, старики—чиновники взмолились о пощаде и разрешении попрощаться с семьями. Они были убеждены, что большевики всех их вырежут поголовно.

После нескольких моих слов успокоения и заявления, что рабочим и служащим жалованье будет выплачено, старик в погонах отставного генерал-лейтенанта отдал всем приказ уйти, достал сургуч и печать и мы с его помощью опечатали „Терско-Дагестанское правительство" его же печатью—навсегда.

Министры этого правительства, оказалось, ночью, забрали всю кассу „Терского Казачьего войска" и скрылись.

Так погибло детище Керенского, сотворенное руками Караулова на Северном Кавказе.

Немедленно приступив к работе, Народный Совет на первом же заседании избрал Терский Совет Народных Комиссаров и провозгласил Терскую Республику нераздельной составной частью Р. С. Ф. С. Р.

Булле.

Пр. Гласнета Северо-Ост. АССР
№ 7/3

Влад. тип. „Кр. Окт." зак. № 3286 лито № 151 тираж 1500

29451

ЦЕНА 40К.

пер-60к

134